

**Научный семинар
научного руководителя ГУ-ВШЭ Е.Г. Ясина "Экономическая
политика в условиях переходного периода"**

Заседание 27.02.2007

Россия на мировом демографическом фоне

На очередном научном семинаре под руководством Евгения Ясина речь шла о том, какие новые возможности дает экономике России современная демографическая ситуация. С постановочным докладом выступил директор Института демографии ГУ-ВШЭ Анатолий Вишневский, его оппонентом стал Александр Акимов, зав. отделом экономических исследований Института востоковедения РАН.

Евгений Ясин:

Я считаю, что Анатолия Григорьевича Вишневского представлять не нужно. Акимов Александр Владимирович, заведующий отделом экономических исследований Института востоковедения, прошу любить и жаловать. В свое время Анатолий Григорьевич обратился ко мне с предложением посмотреть, какова демографическая ситуация в мире и как мы выглядим в этой ситуации. С другой стороны, как-то я прочел в газете «Financial Times» маленькую заметку о том, что в Индонезии начались бунты из-за исчезновения сои. А там это очень популярный национальный продукт. Этот продукт всегда выращивали в Индонезии. Потом решили, что у себя выращивать слишком дорого, решили покупать в Латинской Америке и в Китае. В этом году Китай перестал продавать сою, потому что у него свои проблемы, и он начал впервые в своей истории тратить деньги на импорт продовольствия. В Латинской Америке неурожай. И дальше в заметке приводились очень интересные данные. В Пакистане, когда убили Беназир Бхутто, были еще события, о которых у нас ничего не писали: стало не хватать хлеба, потому что Египет, постоянный поставщик пшеницы Пакистану, перестал поставлять ее. Самому не хватало, и было принято такое же решение, как и у нас – установить квоты или повысить импортные пошлины, чтобы дефицитный продукт не вывозился из страны. Оказывается, в 2006-м году были большие волнения в Мексике по поводу того, что пропала тортилла – традиционная маисовая лепешка, которую едят все мексиканцы. В связи с этим возникает вопрос: не начинается ли в мире продовольственный кризис? Кто-то в этом деле будет проигрывать, кто-то выигрывать. В принципе, у России есть шанс, потому что Россия, Украина и Казахстан, благодаря советскому наследию, в принципе, могли бы, как

говорят специалисты, увеличить объем производства продовольствия. Я не знаю, так ли это. Но мне бы хотелось, Анатолий Григорьевич, дополнить картину демографической ситуации России этой проблемой, продовольственным рынком.

Анатолий Вишневский:

Тема, которой посвящен сегодняшний семинар, поистине необъятна. И эта необъятность усиливается тем, что у нас этой темой никто не занимается или занимаются, может быть, считанные люди, единицы. Я уже несколько раз выступал с докладом на эту тему, текст моей публичной лекции представлен на сайте polit.ru. Но сегодня я попытаюсь рассмотреть ее в несколько ином ракурсе.

Начнем с мирового демографического фона. Он определяется тем, что в наше время небывало увеличилась скорость роста населения. Если к началу XX века ускорение лишь слабо наметилось, то в XX веке, особенно во второй его половине, произошло то, что получило название "мирового демографического взрыва". Достаточно сказать, что за последние 100 лет население мира увеличилось приблизительно в четыре раза: с 1 миллиарда 600 миллионов в начале XX века до нынешних 6,5 миллиардов. Это, в полном смысле слова, изменило всё. Но как-то слабо осознается общественным мнением, а у нас – даже научным сообществом.

На слайде представлены три варианта роста мирового населения до 2050 года – это самый последний прогноз, выполненный экспертами ООН ([рис. 1](#)). По среднему варианту, который считается более вероятным, население мира в середине века превысит 9-9,5 миллиардов человек. Это огромная нагрузка на все системы жизнеобеспечения Земли.

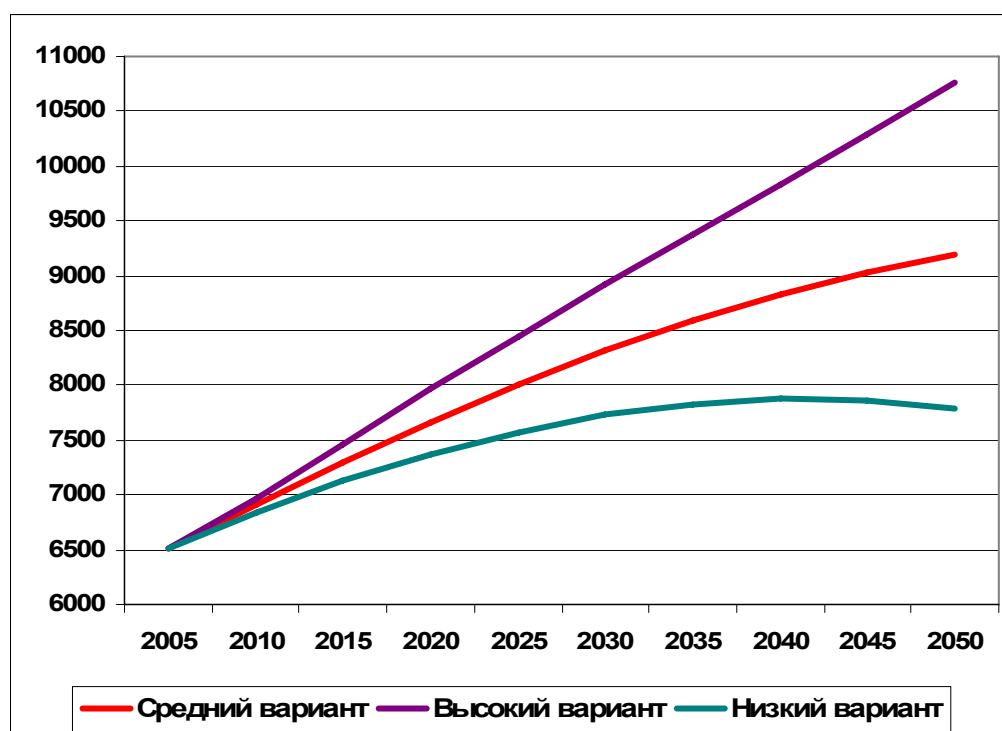

Рисунок 1. Численность населения мира до 2050 г. по трем вариантам прогноза ООН 2006 года

К тому же, как видно на следующем слайде, этот рост сопровождается огромным усилением географической асимметрии. Потому что растет, в основном, население развивающихся стран. Их доля уже сейчас очень высока, более 80% населения мира живет в развивающихся странах.

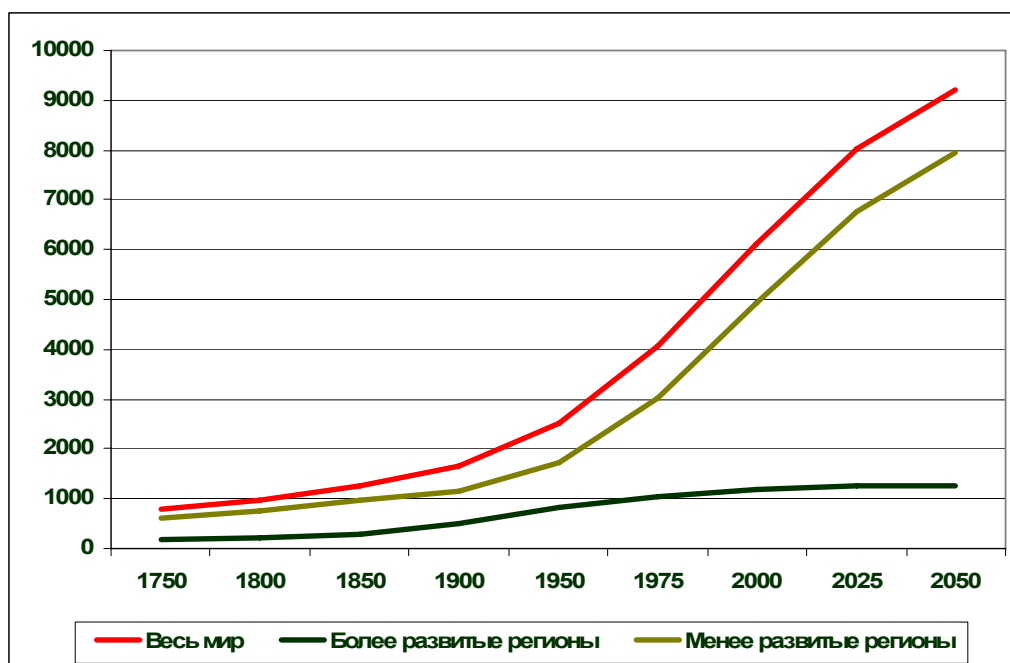

Рисунок 2. Население мира, развитых и развивающихся стран до 2050 г. по среднему варианту прогноза ООН 2006 года, млн. человек

К 2050 году численность населения развитых стран, включая Россию, опустится ниже 15%. Нам как жителям страны, которая гордится тем, что она не только европейская, но и азиатская, важно понимать, что центр демографического взрыва находится в Азии. В середине века здесь будет жить 5 миллиардов человек, даже несколько больше (рис. 3). А население России, которая занимает почти 30% территории Азии, сейчас составляет немногим более 140 миллионов человек и будет сокращаться.

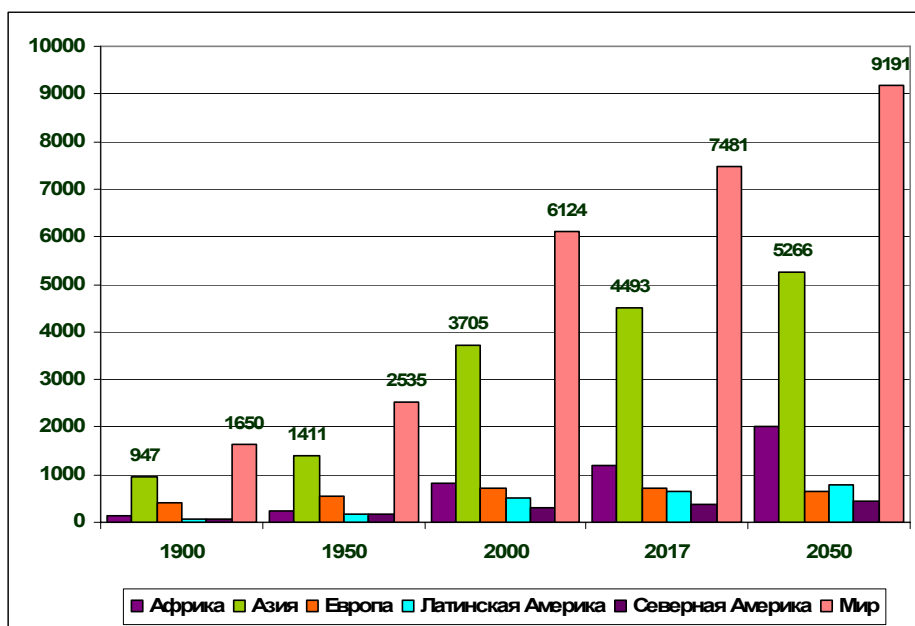

Рисунок 3. В 2050 г. 60% населения мира будет жить в Азии

Цепочка глобальных вызовов: экономические вызовы

Стремительный рост мирового населения порождает цепочку вызовов – именно цепочку, один вытекает из другого. В начале цепочки стоит, по-видимому, экономический вызов: за 100 лет на земле прибавилось 5 миллиардов потребителей. Они прибавились не к двадцати или тридцати миллиардам, а к полутора, которые тоже никогда не были по-настоящему накормлены. И население мира продолжает расти. Способно ли человечество привести объем производства продуктов питания и других необходимых материальных благ в соответствие с этим новым огромным ростом числа потребителей? Ответа на этот вопрос у меня нет.

Надо сказать, что на протяжении последних 50 лет мировое производство росло очень быстро, даже быстрее, чем население (рис. 4). Соответственно, на среднемировую душу населения приходилось все больше и больше произведенных благ. Но обольщаться этим не стоит. Сейчас у всех есть мобильные телефоны, но рост мирового населения порождает, прежде всего, спрос на продовольствие. Миллиарды новых жителей Азии, Африки, Латинской Америки, как минимум, нужно как-то накормить.

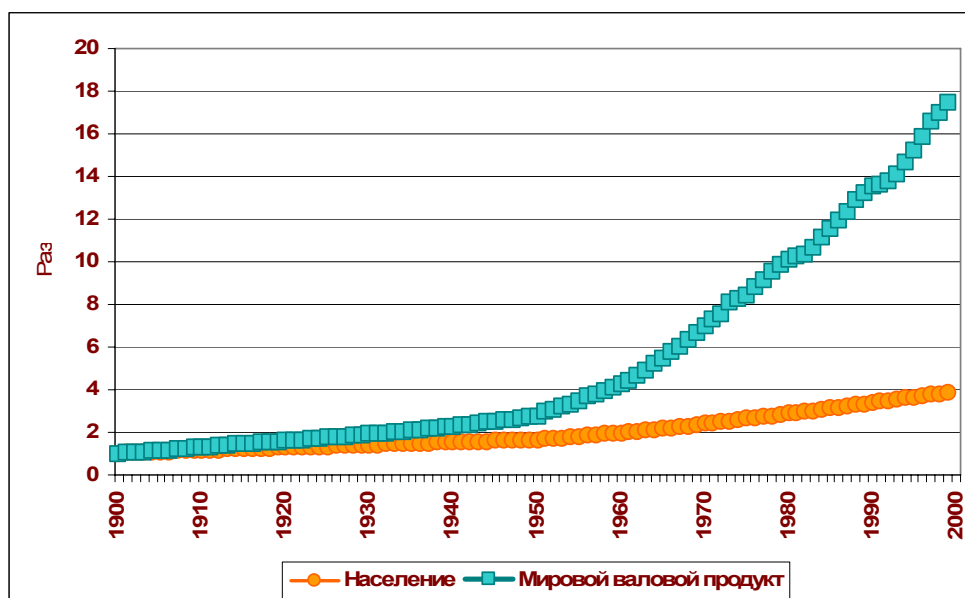
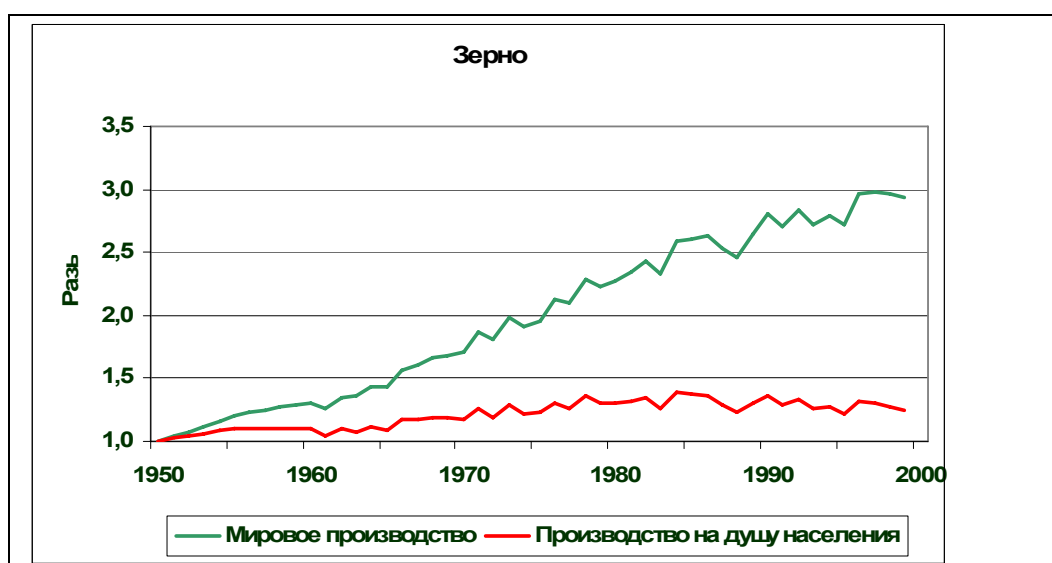

Рисунок 4. Рост мирового населения и мирового производства в XX веке

Если посмотреть на производство основных видов продовольствия, то рост был, и немалый. Но, как вы видите на [рис. 5](#), совокупный рост не сопровождался ростом на душу населения, душевые показатели почти не менялись. Был какой-то период, когда производство продуктов питания обгоняло рост населения, а потом вновь стало отставать. Мировое производство зерна не поспевает за ростом населения. То же самое происходит с производством мяса, то же с рыбой, которая служит важным компонентом питания мирового населения, особенно в прибрежных странах. Шел огромный рост уловов, развивалась аквакультура, кое-какие колебания показателя производства рыбы на душу населения были, но кардинальных изменений не видно. А когда человечество пытается преодолеть пороги, возникающие из-за несогласованности роста числа людей и производства продовольствия, за счет новых технологий, роста производительности труда и так далее, то наталкивается на новые пределы.

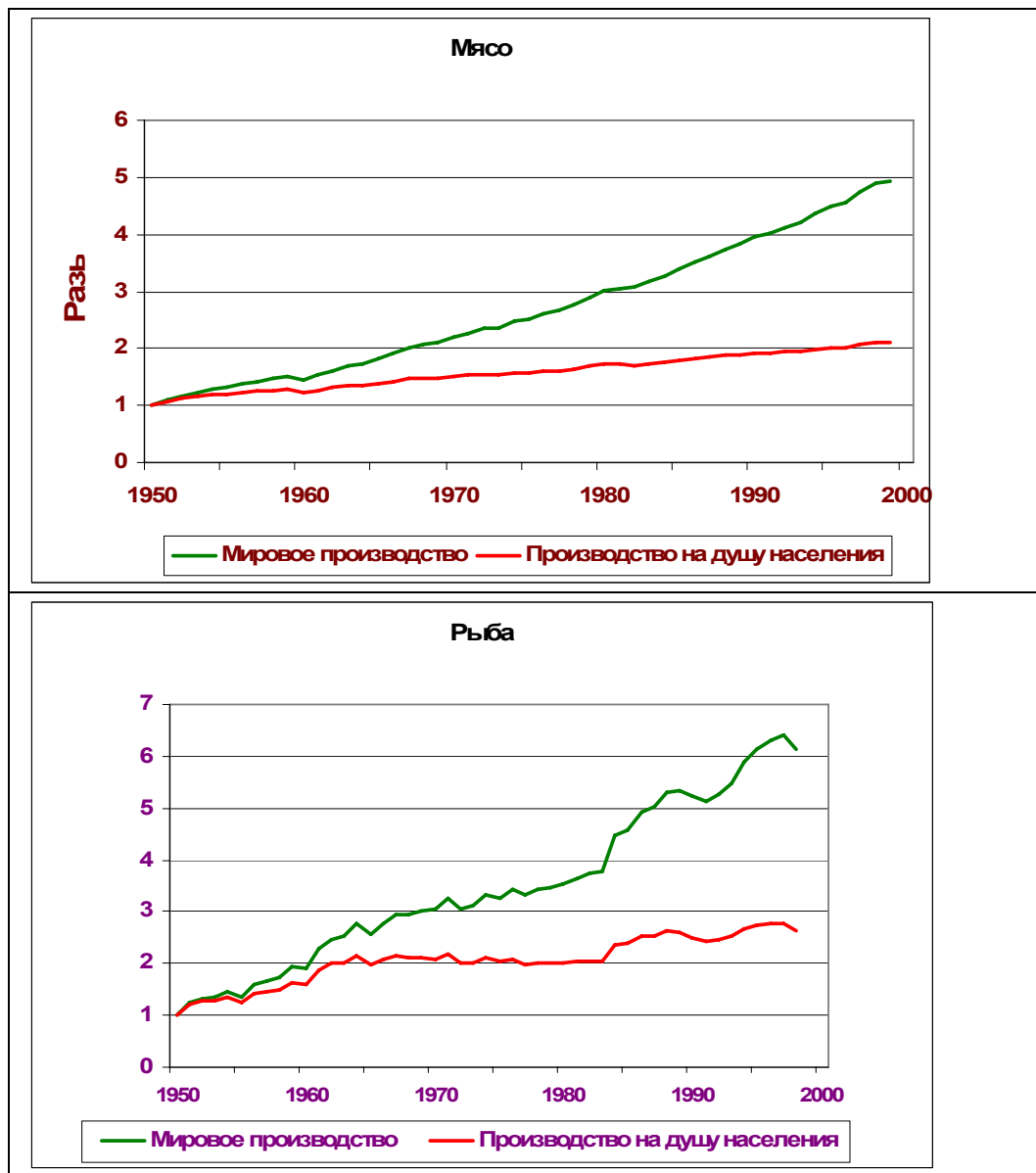

Рисунок 5. Рост мирового производства зерна, мяса и рыбы во второй половине XX века

Отработанные тысячелетиями традиционные методы хозяйствования в развивающихся странах позволяли сохранять относительное равновесие производственной деятельности и окружающей природы. Но когда население растет столь стремительно, его невозможно прокормить на основе традиционных технологий, традиционных методов производства. Их необходимо революционизировать, нужно развивать города, промышленность, образование, нужно применять химические удобрения и так далее. Все новые и новые страны вынуждены включаться в гонку экономического производства. Не удивительно, что они очень быстро наталкиваются на естественные пределы, и цепочка связанных друг с другом вызовов удлиняется.

Цепочка глобальных вызовов: экологические вызовы

Производство зерна, да и любой сельскохозяйственной продукции невозможно без земли, а так как численность населения растет в разы, резко сокращается душевое обеспечение землей. Считается, что к 2050-му году в целом на душу населения будет приходиться около восьми соток земли, то есть что-то вроде нашего небольшого приусадебного участка (рис. 6).

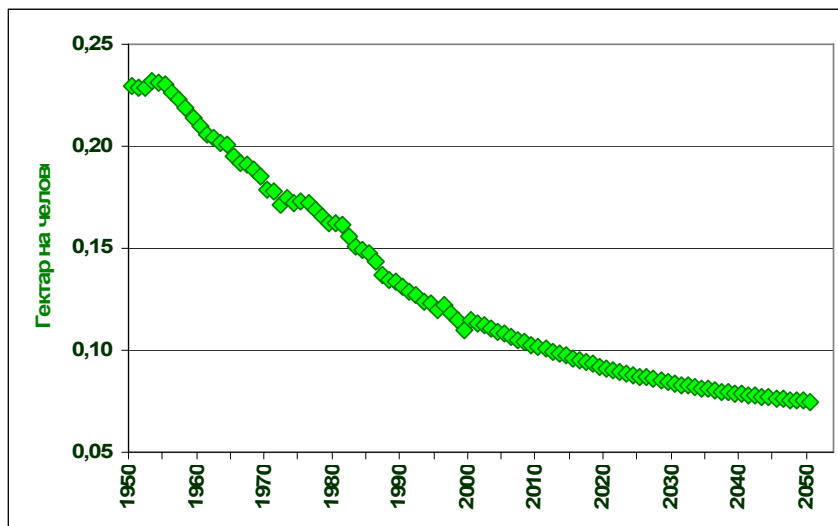

Рисунок 6. Земли, используемые для производства зерна, на душу населения (1950-2000 и прогноз до 2050 года)

Пытаются – и не без успеха – увеличить возможности земледелия за счет орошаемых земель, резко расширяя их использование. Это дало замечательные результаты: на рубеже веков 17% орошаемых земель давали 40% мирового продовольствия (рис. 7). Но орошение требует воды. Глобальный расход воды на орошение вырос более чем в 2,5 раза, и ее все больше не хватает, так же, как и земли. Сейчас 70% мировых ресурсов подземной и речной воды используется на орошение. Но воды требуют и промышленность, и города, особенно крупные. Возникает острая конкуренция за воду. Уже сейчас многие страны испытывают большую напряженность с водой. Это относится, в частности, к таким странам как Соединенные Штаты и Китай.

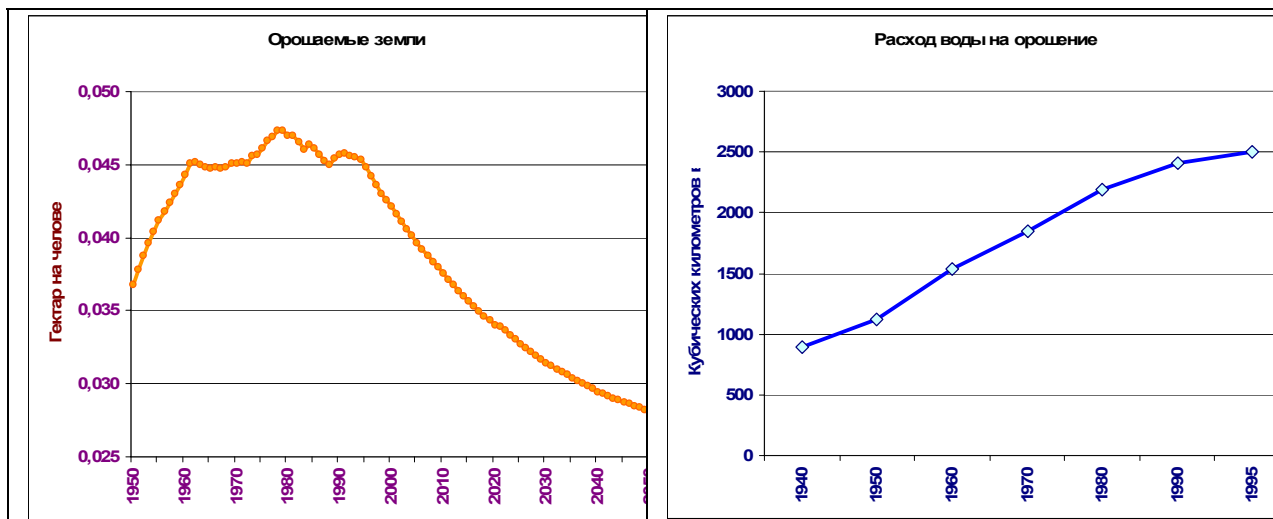

Рисунок 7. Орошаемые земли на душу населения (1950-2000 и прогноз до 2050 года) и глобальный расход воды на орошение в 1940-1995 гг.

Еще один пример – мировое потребление энергии. С начала XX века оно выросло примерно в 10 раз, причем изменилась структура потребления. На первое место, оттеснив уголь, вышли нефть и природный газ. Это – невозобновляемые источники, рано или поздно они иссякнут. А вклад возобновляемых источников энергии сейчас меньше, чем в начале XX века. Если тогда 42% потребления энергии покрывалось за счет возобновляемых источников, то сейчас – меньше 20%. Есть оценки, по которым к 2030-му году будет исчерпано 80% мировых запасов нефти. Угля должно хватить на больший срок – примерно на 200 лет. Такие оценки, конечно, приблизительны, но дело не в точности оценок, а в бесспорном факте конечности ископаемых ресурсов. Может быть, со временем будут освоены какие-то новые энергетические ресурсы, возрастет роль ядерной энергетики, более эффективно станут использоваться возобновляемые источники энергии. Когда появляются попытки решить эту проблему за счет использования биотоплива, возникает дополнительная угроза обеспечению населения планеты продовольствием. Пока же производство энергии базируется в основном на использовании ископаемых источников, угля, нефти и газа, приходится принимать во внимание не только ограниченность этих ресурсов, но и опасные последствия их использования. Загрязнение атмосферы выбросами углеродов увеличивает содержание углекислого газа в атмосфере и вызывает потепление климата. Глобальная эмиссия в атмосферу углеродов за XX век выросла в 12 раз (рис. 8); сейчас содержание CO₂ в атмосфере на 30% выше, чем к началу промышленной эры. И этот рост будет продолжаться. Пока годовая эмиссия в развитых странах вдвое больше, чем в развивающихся. Но к 2020-му году на первое место могут выйти развивающиеся страны. К 2050-му эмиссия здесь вырастет более чем вдвое – с 0,5 млн. тонн до 1,2 млн. тонн в год. На 23% это будет связано с ростом населения. Это и есть та цепочка, о которой я говорил.

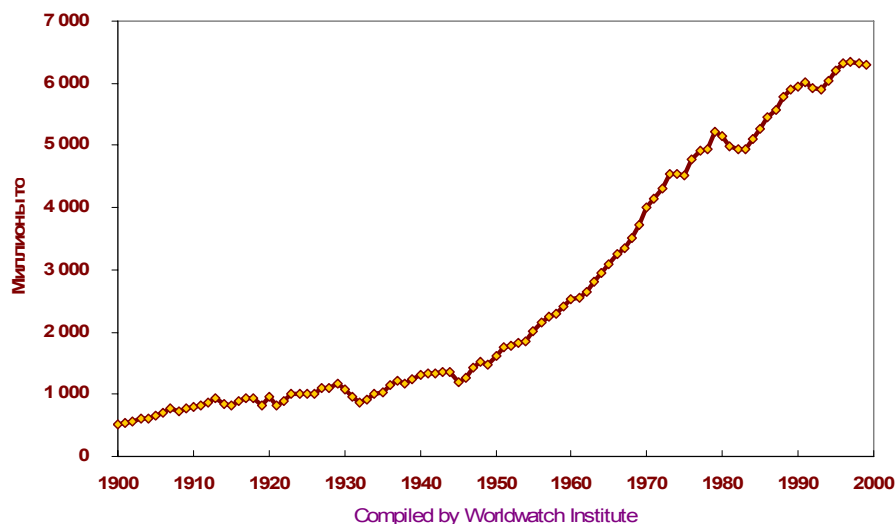

Рисунок 8. Глобальная эмиссия в атмосферу углеродов вследствие сжигания ископаемого топлива, 1900-2000, млн. тонн

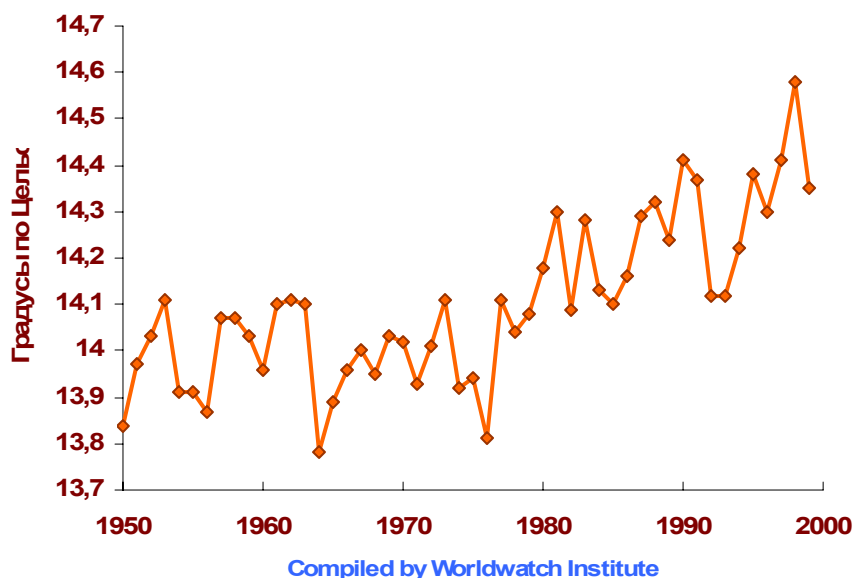

Рисунок 9. Рост среднегодовой температуры в 1950-2000 годах

На рис. 9 видно, как быстро повышается среднегодовая температура атмосферы, а это приводит, в свою очередь, к целому ряду опасных последствий, неблагоприятно влияет на сельское хозяйство, и не только. Вот лишь некоторые возможные следствия потепления атмосферы:

- таяние льдов и повышение уровня мирового океана;
- увеличение затопленных площадей, береговая эрозия, засоление водоносных горизонтов и потеря прибрежных пахотных и других угодий;
- крупномасштабные миграции, вызванные потерей жизненного пространства;

- рост интенсивности и частоты ураганов и других опасных природных явлений;
- расширение географических границ распространения тропических заболеваний, тесно связанных с температурой, таких как малярия и лихорадка Денге.

Как видим, многие естественные системы жизнеобеспечения человеческой жизни на Земле оказываются под угрозой кризиса, и это добавляет немало звеньев в удлиняющуюся цепочку взаимосвязанных глобальных вызовов. К образующим ее экономическим и экологическим вызовам надо добавить еще и политические.

Цепочка глобальных вызовов: политические вызовы

Политическим вызовам – не вообще, а в той мере, в какой они вытекают из «мирового демографического фона», – у нас, по-моему, вообще не уделяется должного внимания, по крайней мере, если судить по нашим газетам, радио и так далее. Наша политическая элита, в том числе несущая ответственность за безопасность России, слабо отдает себе отчет в политических угрозах, которые вытекают именно из глобальной демографической ситуации. Она ведь вышла из советской "шинели". Экономика и политика – это понятная для нее связка, а взаимосвязь демографии и политики – это что-то не очень серьезное, не стоящее большого внимания.

А между тем, демографические изменения 5-6-ти последних десятилетий с неизбежностью порождают очень сильные и международные и внутригосударственные политические напряжения.

Мы только что видели, что скоро 85% резко возросшего мирового населения будет жить в развивающихся странах. Но ведь это очень бедные страны, поэтому демографическая асимметрия автоматически усиливает экономическую асимметрию. Нарастает противостояние бедных и богатых стран, конкуренция между ними за ресурсы в условиях их нарастающего дефицита.

Одновременно меняется соотношение сил на мировой арене. К этому ведут даже и скромные экономические успехи развивающихся стран с быстро растущим населением. Страны, пусть и с относительно бедным, но многочисленным населением имеют возможность концентрировать крупные средства для централизованных расходов, которые они не обязательно используют только на нужды экономического развития. Китай, другие страны не только начинают покупать больше продовольствия, они не жалеют денег и на покупку оружия, да и сами все больше его производят. В воздухе носится идея передела мирового богатства.

Не менее важны демографические истоки внутривнутриполитических напряжений, которые нередко оборачиваются внешнеполитическими. И дело не только в том, что быстрый рост населения в бедных странах существенно тормозит их экономическое развитие и способствует консервированию бедности и накоплению недовольства. Не менее важен культурный

конфликт, всегда сопровождающий демографическую модернизацию, которая неизбежно ставит под вопрос многие традиционные ценности. Столкновение старого и нового проникает в каждую семью, сталкивает поколения, порождает культурный раскол. Религиозный фанатизм, политический экстремизм, терроризм – все это лишь отражение внутреннего напряжения, которое нарастает в догоняющих обществах и создает почву для конфронтации, для всяких террористических и экстремистских идеологий. Десятки стран проходят через политически неустойчивые, противоречивые, промежуточные социальные состояния, чреватые вспышками беспорядков и насилия, частыми государственными переворотами, кровавыми этническими конфликтами, военными авантюрами, ростом внутреннего и международного терроризма и пр.

Нельзя не упомянуть и еще одну особенность развивающихся стран, связанную с их бурным демографическим ростом: чрезвычайную молодость их населения. В России половина населения имеет возраст моложе 37 лет, в Европе – моложе 39-ти, в таких странах как Германия или Италия – моложе 42-х, в Японии – моложе 43-х лет. В то же время медианный возраст всего населения Африки – 19 лет, Азии – 28 лет. И сейчас, и в обозримом будущем огромная часть населения развивающихся стран – это подростки и молодые люди, незрелые в социальном отношении, в массе своей необразованные, не имеющие ясных социальных перспектив и потому восприимчивые к политическому манипулированию, легко впадающие в религиозный или политический фанатизм и т.п.

Все это усиливает политическую неустойчивость, которая ощущается в большом числе многонаселенных стран, охватывает огромные регионы и, вписываясь в общие процессы глобализации, грозит дестабилизировать всю мировую политическую обстановку, породить вспышки крупномасштабных военных конфликтов. При наличии у воюющих сторон современных средств массового уничтожения такие конфликты смертельно опасны для всей человеческой цивилизации.

Можно ли изменить мировой демографический фон?

Думаю, сказанного достаточно, чтобы получить представление о вызовах, которые порождает изменение мировой демографической ситуации. Но я хочу еще сказать пару слов о том, можно ли хотя бы смягчить эти вызовы за счет влияния на саму демографическую ситуацию, добиваясь прекращения демографического взрыва, замедления роста мирового населения. В принципе, это, конечно, возможно. В отличие от тех ответов (экономических, технологических), о которых я говорил, и каждый из которых порождает следующее звено цепочки, демографические ответы в этом смысле не опасны и не противоречивы. Но, к сожалению, они трудно или медленно достижимы.

Главный из этих ответов – сокращение рождаемости, за счет которого можно замедлить рост мирового населения. На [рис. 10](#) видно, что высокая рождаемость, которая, в условиях снижающейся смертности превращается в

главную причину взрывного роста населения, сокращается во всем мире. Везде, кроме, может быть, Африки, она уже основательно снизилась, и прогнозы предсказывают ее дальнейшее снижение.

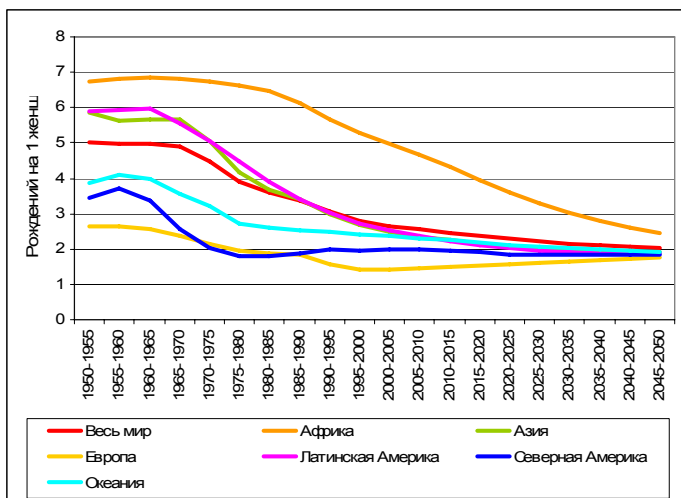

Рисунок 10. Коэффициент суммарной рождаемости в крупных регионах мира: фактический до 2005-го и прогноз ООН до 2050 года

Соответственно замедляется рост населения, и когда говорят о том, что к середине века население достигнет 9 миллиардов человек, то имеется в виду, что рождаемость к этому времени опустится достаточно низко. Но снижение рождаемости в развивающемся мире дается непросто. Оно требует глубоких перемен в демографическом поведении, во всем строе семейной жизни. Такие перемены поначалу вызывают отторжение в традиционном обществе, становятся источником культурного конфликта, который сам превращается в важный компонент социальной и политической ситуации, постоянно присутствует в идеологической борьбе и так далее.

На рис. 1 уже были представлены три варианта роста мирового населения по прогнозам ООН: верхний, средний и нижний.

Какой можно считать желательным – не наиболее реальным, а именно более желательным? Мне кажется очевидным, что лучше всего было бы, если бы траектория пошла по нижней кривой. Это значит, что к 2040-му году население мира достигло бы максимума и потом начало бы сокращаться. В головах у очень многих людей, в том числе и у демографов, на протяжении десятилетий почему-то существовала идея стабилизации населения мира на новом уровне: демографический взрыв завершится, население мира достигнет 9-10 миллиардов человек и таким останется. Но 9 или 10 миллиардов жителей – это тоже очень много для нашей планеты с ее ограниченными ресурсами. Разве цель развития – в количестве людей? Гораздо лучше, если бы население, достигнув максимума, начало бы сокращаться и лет через двести-триста вернулось бы к той численности, какая была в середине XX века. Разве 2,5-3 миллиарда человек – это так уж мало?

Если встать на эту точку зрения, то можно в ином свете увидеть и нынешнюю низкую рождаемость в развитых странах, включая и Россию. Я иногда провожу такую аналогию. Представьте себе огромную колонну, которая движется в одном направлении: все идут в затылок друг за другом. Колонна так велика, что когда ее голова повернула и пошла в противоположном направлении, все остальные, ничего не зная об этом, продолжают идти, куда шли, не понимая, что направление общего движения изменилось.

Мировой демографический взрыв – следствие снижения смертности, достигнутого благодаря средствам борьбы со смертью, которые были созданы населением европейской культуры. Снижение смертности – это огромная технологическая, социальная и культурная инновация. И естественным ответом на снижение смертности стала другая, не менее важная социальная инновация – снижение рождаемости. Оно тоже продукт обществ европейской культурной традиции, сейчас его осваивают народы на всех континентах. Низкая рождаемость для России, для всех развитых стран – источник серьезных проблем. Но чтобы население мира начало сокращаться, нужно, чтобы во всем мире рождаемость опустилась примерно до нынешнего европейского уровня. Здесь есть противоречие, но это – не единственное противоречие, с которым приходится сталкиваться в мировой истории.

Новый мировой расклад меняет роль и еще одного ключевого демографического процесса – миграции. Мир сейчас – это сообщающиеся сосуды, и при той огромной демографической асимметрии, о которой говорилось выше, какое-то перераспределение населения между перенаселенными и недонаселенными странами становится неизбежным. Законы социальной физики не менее жестки, чем физики природы.

Сейчас, когда политики в Америке, во Франции или в России рассуждают о проблемах миграции, они всегда имеют в виду интересы только своей страны. Но ведь есть и интересы человечества в целом, и, как ни странно, это тоже наши интересы, интересы каждого из нас, или, по крайней мере, они очень сильно затрагивают наши относительно локальные интересы.

В мире нарастает миграционное давление на развитые страны. В 2000-2005 годах их население ежегодно увеличивалось за счет миграции на 2,2%, развивающихся – сокращалось на 0,5%. Понятно, что при неравномерности демографических масс небольшая доля населения развивающихся стран становится очень большой, когда она рассматривается с точки зрения развитых стран. Один процент китайцев – это для России 10% ее населения. Согласно среднему варианту прогноза ООН, за первую половину XXI века из развивающегося мира в развитые страны переместится 120 млн. человек (с 1950-го по 2000-й год переместилось 57 млн.). Но мне кажется, что эта оценка занижена, потому что прогнозам ООН свойственна определенная политическая осторожность.

Надо по-новому взглянуть на все, что происходит в этой области. Это не просто люди едут из одной страны в другую – одни едут, другие не едут и т.д. Мы наблюдаем мощный социальный процесс: мировая деревня едет в мировой город, подобно тому, как в свое время деревня перемещалась в города во всех развитых странах, в том числе и в России. Тогда сельское население перемещалось в города, в основном, внутри своих стран. Сейчас этот процесс стал всемирным. Хотя сейчас города очень быстро растут и в развивающемся мире, они не способны поглощать стремительно растущее количество людей и рабочей силы и выплескивают население в европейские или американские города, подобно тому, как когда-то Европа выплескивала избыточное население в Новый Свет.

Демографические перспективы России

Как выглядят на этом мировом фоне демографическая ситуация и демографические перспективы России?

На [рис. 11](#) (левая панель) показана динамика численности населения России за весь XX век и вплоть до 2007 года, а на правой панели – за последний период, начиная с 1990 года. За XX век рост населения России прерывался четыре раза. Три раза это было связано с социальными катаклизмами. Когда такие катаклизмы заканчивались, рост населения возобновлялся. Четвертое сокращение населения, начавшееся в 1990 году, – оно представлено на правой панели – имеет иную природу, нежели предыдущие, оно не закончится так скоро.

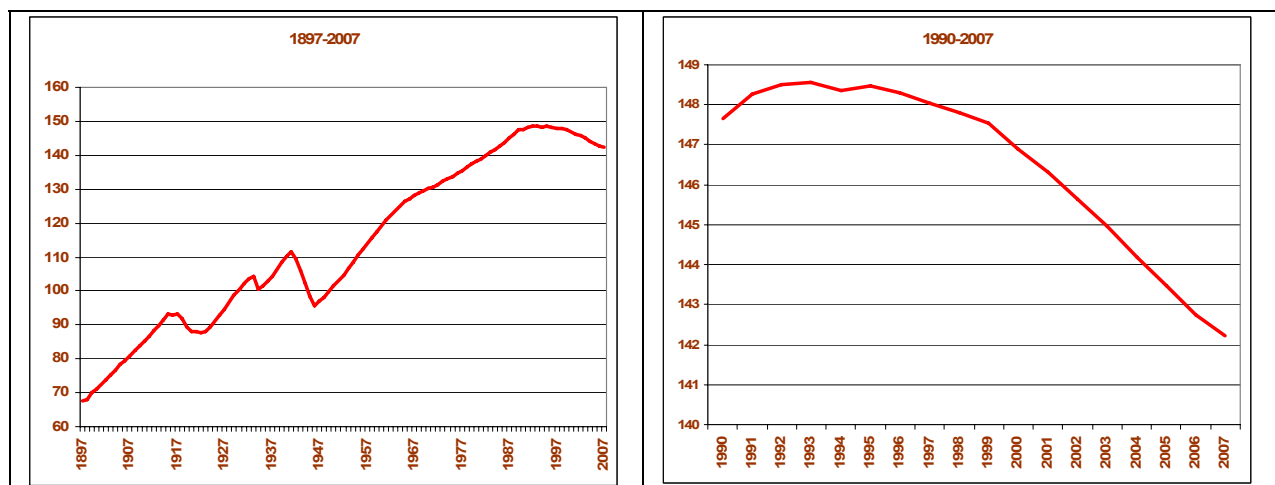

Рисунок 11. Динамика численности населения России за последние 110 лет и за последние 15 лет

К началу 2008 года мы уже потеряли порядка 6,5 миллионов человек – это огромная цифра даже для такой страны как наша, с населением свыше 140 миллионов человек. Потери могли бы быть еще большими, если бы не миграция, которая компенсировала почти половину естественной убыли населения. Надо только учесть, что это была особая миграция, в основном, репатриация русского и русскоязычного населения, возвращавшегося в Россию из бывших союзных республик.

Сокращение населения вызывает понятную тревогу. Недавно была принята новая официальная концепция демографической политики, в которой намечается к 2016-му году стабилизировать численность населения на уровне 142-143 миллионов человек и обеспечить иммиграционный прирост не менее 200 тысяч человек ежегодно. А к 2025-му году предполагается, соответственно, увеличить численность населения до 145 миллионов и обеспечить миграцию на уровне более 300 тысяч человек в год.

Насколько реальны эти планы?

На [рис. 12](#) показана естественная убыль населения России, фактическая и прогнозируемая. Красная кривая – фактическая естественная убыль, сейчас она сокращается. Не понимая сути дела, можно предположить, что за этим стоит долговременная позитивная тенденция, что она сохранится и в будущем, и естественная убыль постепенно сойдет на ноль. Можно связать эту тенденцию, например, с национальными проектами и увидеть в ней доказательство их эффективности. Впрочем, на [рис. 12](#) хорошо видно, что сокращение естественной убыли началось уже в 2001-м году, то есть до того, как появились эти проекты (они начали реализовываться с 2006 года). Да оно и прогнозировалось независимо от них, ибо оно вообще связано не с теми процессами, на которые могут повлиять эти проекты.

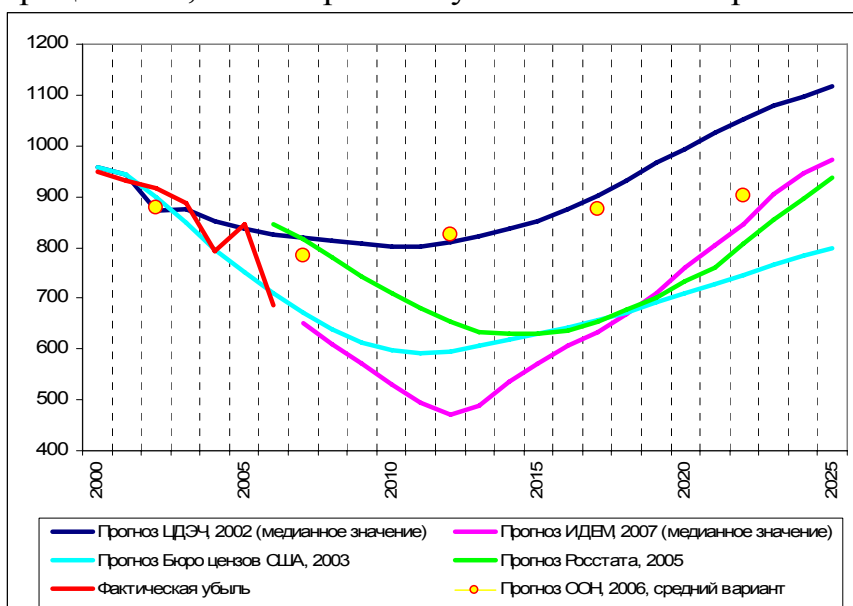

Рисунок 12. Снижение естественной убыли населения имеет конъюнктурный характер и через несколько лет сменится ее ростом

Что касается прогнозов, то их довольно много – есть прогноз ООН, прогноз Росстата, есть прогнозы нашего Института демографии ГУ-ВШЭ (а ранее – Центра демографии и экологии человека), Бюро цензов США делает свои прогнозы для всех стран. Они не совпадают по конкретным цифрам. Это понятно, каждый прогноз имеет свою специфику. Но качественная картина одна и та же: до какого-то времени естественная убыль сокращается, потом начинает расти. Все это хорошо видно на графике. В частности, я обращаю ваше внимание на прогноз Бюро цензов США. Этот прогноз существовал

уже в 2003 году, когда ни о каких национальных проектах и речи еще не было. У его авторов не было никакой заинтересованности в том, чтобы как-то приукрашивать ситуацию в России, но они с полной определенностью предсказывали сокращение естественной убыли населения.

Логика такого предсказания хорошо понятна демографу, ибо нынешнее сокращение естественной убыли имеет очевидные структурные причины. Они будут действовать примерно до 2012-го года, и все это время естественная убыль будет сокращаться. Но экстраполяция этой тенденции за пределы 2012-го года не оправдана, с этого времени естественная убыль снова начнет расти. Поэтому когда сейчас с высоких и даже с очень высоких трибун говорят, что мы в ближайшие 2-4 года ликвидируем естественную убыль населения, это лишь способствует тиражированию заблуждения. В ближайшие годы естественная убыль населения России еще несколько сократится, но отнюдь не до нуля. А затем она снова начнет расти и, в конце концов, станет большей, чем она была в 1990-е годы.

Иными словами, «русский крест» (на самом деле, он такой же русский, как и украинский, и немецкий и т.д., он во многих странах есть) не только не исчезнет, но раствор «ножниц», образуемых кривыми рождаемости и смертности, будет увеличиваться (рис. 13). Конкретные прогнозы не совпадают буквально, по цифрам, потому что делались в разные годы, отправлялись от разных исходных годов и т.п., но качественная картина абсолютно одинаковая, и измениться она уже не может, от подвижек последних лет она не зависит.

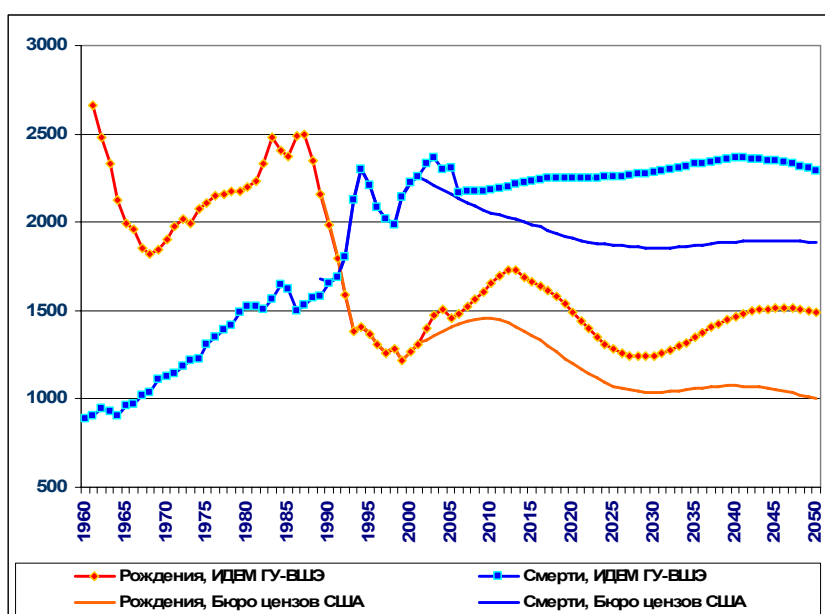

Рисунок 13. «Русский крест» неустрашим, примерно после 2012-го года его «раствор» снова начнет увеличиваться

Вот, например, недавно опубликованный официальный прогноз Росстата до 2025-го года (рис. 14). На графике представлен только средний вариант прогноза: естественная убыль населения сокращается до 2012 года, потом начинает расти и к 2025 г. достигает почти 1 миллиона человека в год.

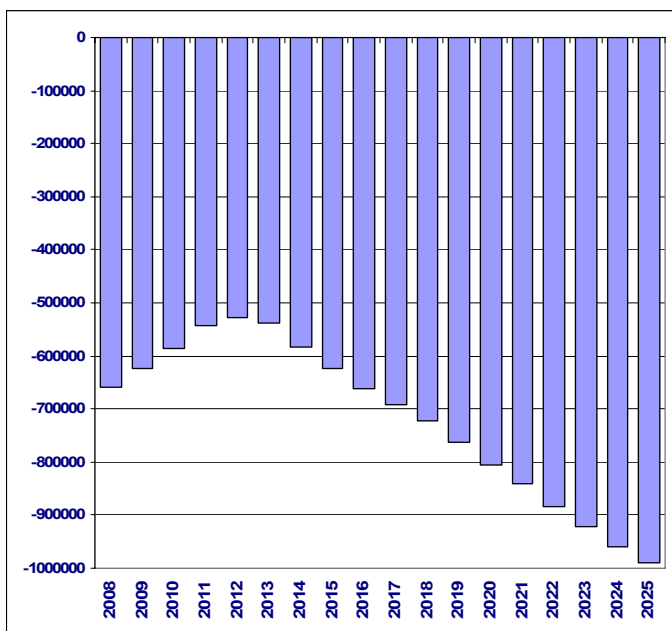

Рисунок 14. Естественная убыль населения России по прогнозу Росстата

Чтобы население не убывало, эта естественная убыль должна быть компенсирована иммиграцией, ничем другим компенсировать ее нельзя. А чтобы компенсировать естественную убыль в миллион человек, необходимо принять 1 миллион мигрантов. Но при нынешних условиях это совершенно невероятная для России цифра, ни одним прогнозом такая компенсация не предусматривается. На [рис. 15](#) представлены оценки будущей численности населения России по разным прогнозам.

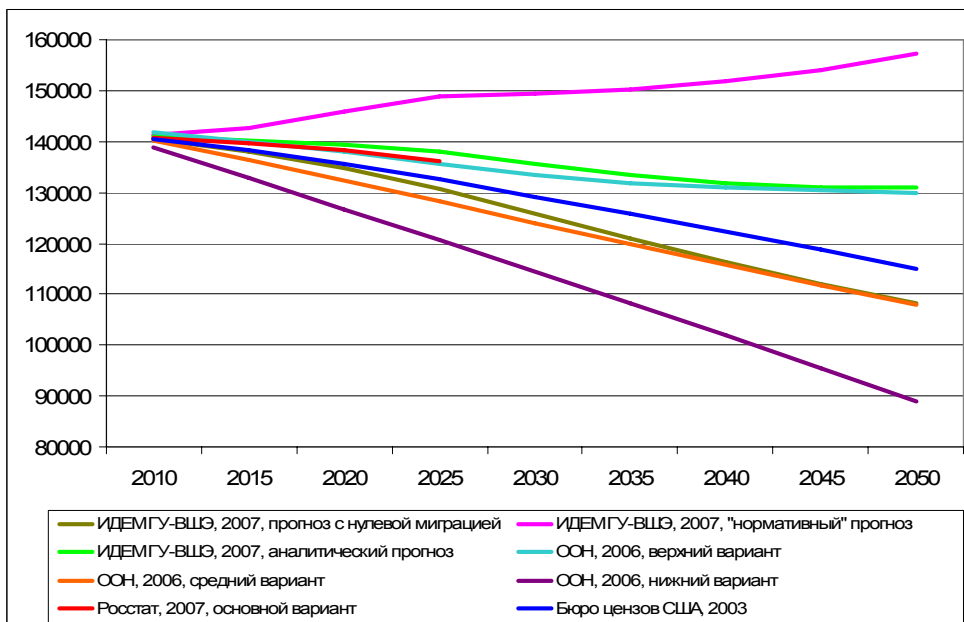

Рисунок 15. Численность населения России до 2050 года по различным прогнозам, тыс. человек

Все кривые на графике, если не считать самой верхней, идут вниз: население убывает. Диапазон различий очень большой: от 89 млн. человек в

2050 году по нижнему варианту прогноза ООН до 131 млн. по прогнозу нашего института (это медианное значение вероятностного аналитического прогноза). Но все прогнозы предсказывают убыль населения. Единственное исключение – верхняя кривая, соответствующая прогнозу, который мы назвали «нормативным», – он отвечает установкам официальной концепции демографической политики до 2025 года на стабилизацию и последующий рост численности населения. Нарисовать такую кривую можно, но при тех ориентирах изменений рождаемости и смертности, которые заложены в концепции, нормативный прогноз может осуществиться только при очень больших объемах компенсирующей миграции.

В концепции говорится, что к 2025 году такая миграция должна составлять более 300 тыс. человек в год. Но на сколько более? Ведь естественная убыль, как я уже говорил, может достичь 1 миллиона человек в год, а может и превысить эту величину. Готовы ли мы принять такое количество мигрантов?

Американцы принимают столько. Чистая миграция в США находится на уровне, близком к 1 млн. человек в год, и, по их прогнозу, сохранится на этом уровне и в 2025-м, и в 2050-м году. Но у них есть давние традиции приема мигрантов, хотя сейчас антииммигрантские течения существуют и там. Мы же за последнее время, когда стало ясно, что без миграции не обойтись, не только не подготовились к приему эмигрантов, но так раскошегарили мигрантофобские настроения, что пока о приеме крупных потоков иммигрантов говорить не приходится.

С другой стороны, наше положение осложняется еще и тем, что в ближайшие годы – по данным того же Росстата – будет резко сокращаться численность населения в трудоспособном возрасте. И до 2025-го года оно уменьшится на 15 миллионов человек. Это тоже огромная цифра, если сравнить ее с нашими 75 миллионами работающих. А в России и сейчас ощущается дефицит рабочей силы, который в какой-то мере, не вполне ясно в какой, покрывается за счет мигрантов, часто нелегальных.

Убыль трудоспособного населения, по сути, уже началась. Она будет быстро нарастать, вследствие чего резко возрастет спрос на рабочую силу. Это не только заставит с еще большей силой работать насос, втягивающий мигрантов, но и поставит под сомнение меры протекционистской демографической политики, потому что рынок труда будет предъявлять растущий спрос на женский труд. А когда на рынке возрастает спрос на труд, то растет и его оплата, так что семейные пособия смогут конкурировать с оплатой труда еще меньше, чем сейчас.

Нынешние тенденции международной миграции в России сильно отличаются от тех, которые характерны для других развитых стран. Если не считать всплеска иммиграции сразу после распада СССР, в 1993-1994 годах, мы движемся совсем не в том направлении, в котором движутся они (рис. 16).

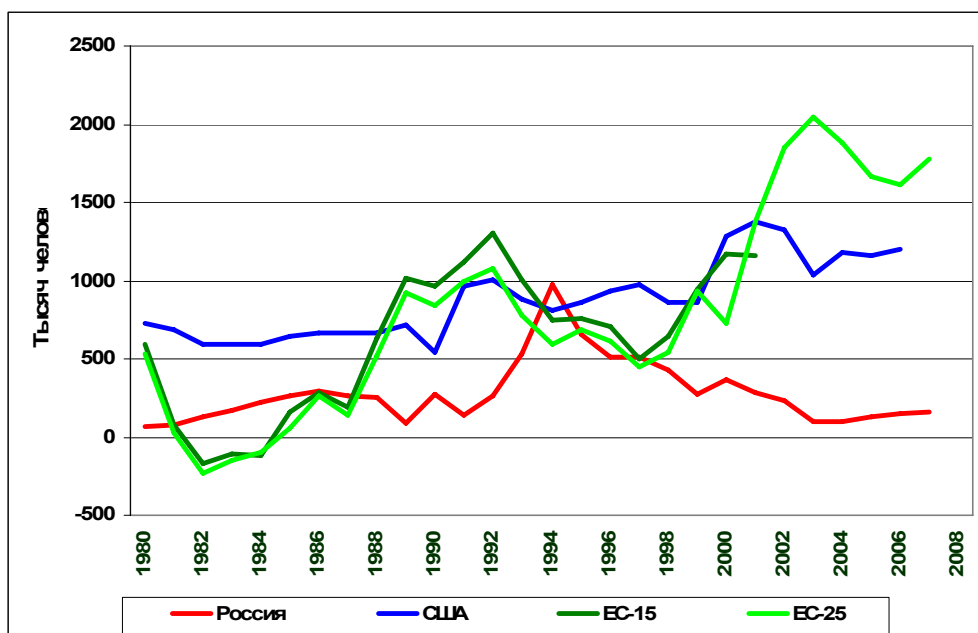

Рисунок 16. Миграционный прирост населения России, США и Европейского союза, 1980-2004, в тыс. человек

Хотя, как известно, везде есть проблемы, связанные с крупномасштабной иммиграцией, ни американцы, ни европейцы от нее не отказываются. Пока, во всяком случае, она у них растет, тогда как у нас сокращается. При этом везде есть еще нелегальная миграция, которая не нашла отражения на графике. Не снижает ли наша неготовность принимать мигрантов конкурентоспособность России в мире?

Депопуляционные тенденции в России, развивающиеся на фоне мирового демографического взрыва, уже привели к тому, что Россия, оставаясь одной из крупнейших по населению стран мира, отодвигается, тем не менее, на все более низкое место в мировой демографической иерархии (табл. 1).

Таблица 1. Место России в мировой демографической иерархии

1950			2007			2050 Прогноз ООН 2006 г.		
Ранг	Страна	Население в млн.	Ранг	Страна	Население в млн.	Ранг	Страна	Население в млн.
1	Китай	554,7	1	Китай	1328,6	1	Индия	1658,3
2	Индия	357,6	2	Индия	1169,0	2	Китай	1408,8
3	СССР	178,5	3	США	305,8	3	США	402,4
4	США	157,8	4	Индонезия	231,6	4	Индонезия	296,9
5	Россия	102,7	5	Бразилия	191,8	5	Пакистан	292,2
			6	Пакистан	163,9	6	Нигерия	288,7
			7	Бангладеш	158,7	7	Бразилия	254,1
			8	Нигерия	148,1	8	Бангладеш	254,1

			9	Россия	142,5	9	Конго	186,8
						10	Эфиопия	183,4
						11	Филиппины	140,5
						12	Мексика	132,3
						13	Египет	121,2
						14	Вьетнам	120,0
						15	Россия	107,8

В середине XX века Россия в ее нынешних границах уступала по численности населения только трем странам: Китаю, Индии и США. К 2000-му году ее обогнали Индонезия и Бразилия, и она перешла с четвертого (если не считать СССР) на шестое место. Уже после 2000-го года Россию опередили также Пакистан, Бангладеш и Нигерия, и она отодвинулась на девятое место. Согласно среднему варианту прогноза ООН (пересмотра 2006 года), Россия сохранит за собой девятое место и в 2025 году, но к середине века она потеряет еще несколько позиций и отодвинется на 15-е место. (При корректировке прогнозов ООН, которая производится каждые два года, ситуация несколько меняется. Так, по прогнозу 2000 года Россия в 2050 году занимала 17-е место, по прогнозу 2002 года – 18-е, по прогнозу 2004 года – 17-е). В 2050-м в России будет жить порядка 1% мирового населения, при этом территория России – 13% от мировой территории.

Особенно впечатляет сравнение России с азиатскими гигантами – ее близкими соседями (рис. 17). Дело даже не в том, что ее население уменьшится. Будет у нас в 2050 году 150, 130 или 120 миллионов человек – при таком сравнении это уже не важно. В Китае будет примерно 1,4 миллиарда жителей, в Индии – 1,6 миллиарда. То есть только в двух этих странах будет жить 3 миллиарда человек – больше, чем жило на Земле в середине XX века. И есть еще три страны поменьше, но которые тоже сильно превзойдут Россию – Индонезия, Пакистан, Бангладеш.

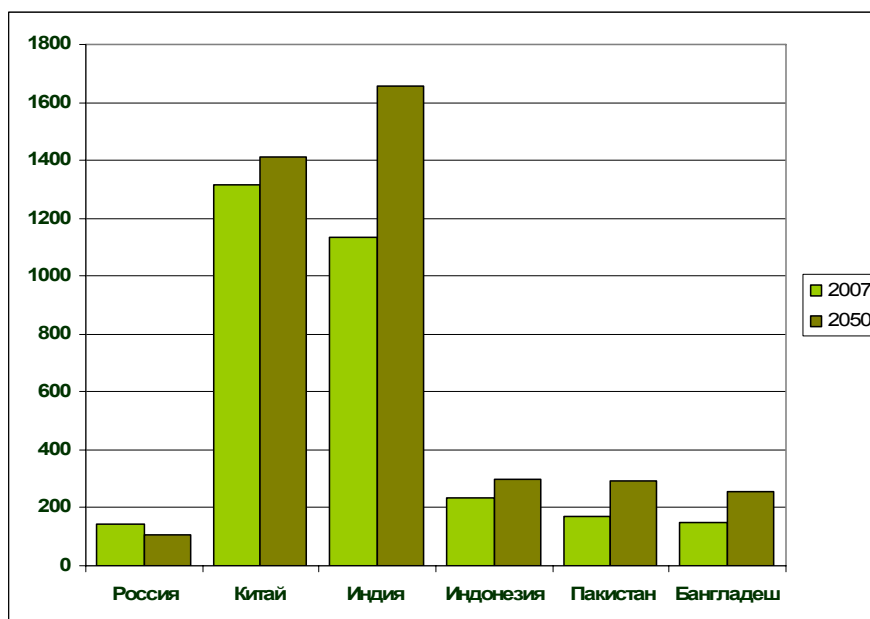

Рисунок 17. Россия и «азиатские гиганты» в 2007 и 2050 году, млн. человек

Теперь посмотрим, как будет выглядеть Россия на фоне развитых стран, их населения – пресловутого «золотого миллиарда» (рис. 18). Здесь, конечно, нет такого разительного контраста. Европейский Союз, если рассматривать его в целом, сосредоточивает 500 миллионов человек, причем его население немного сократится. Для сравнения приведено и совокупное население СНГ, хотя будущее СНГ представляется весьма туманным. Оно уменьшится, так же, как население Японии. Только число жителей США будет продолжать расти, и они свое третье место, которое занимали в 1950 году, судя по прогнозам, сохранят и в 2050-м.

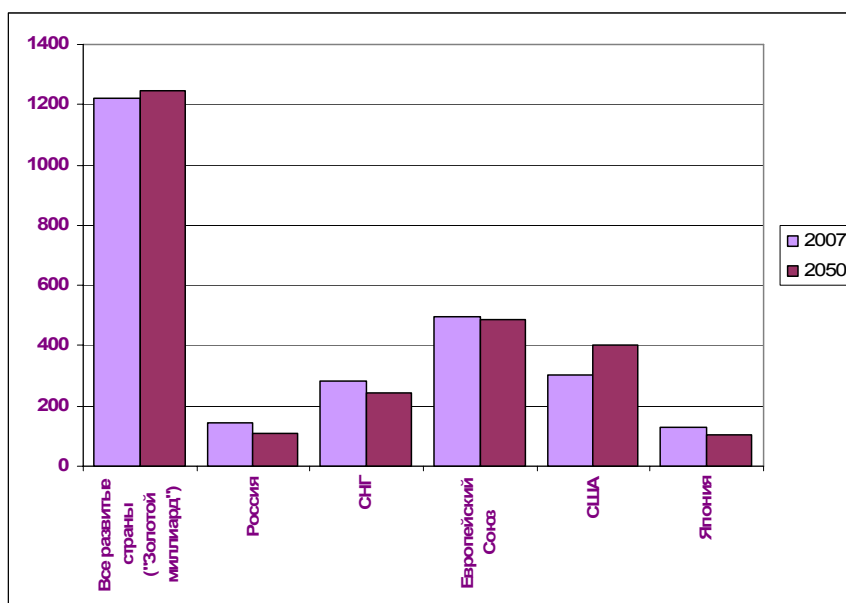

Рисунок 18. Население стран «золотого миллиарда» в 2007 и 2050 году, млн. человек

Как видим, международные сравнения не слишком выигрышны для России. Но надо сказать, что ее демографическое положение сейчас не блестяще и независимо от международных сравнений.

Новый этап российского демографического кризиса

Дело в том, что мы сейчас вступаем в новый этап нашего затяжного демографического кризиса – несмотря на становящиеся все более громкими аплодисменты по поводу улучшения демографической ситуации. Какие-то позитивные подвижки, может быть, и происходят, но вывести нас из кризиса они едва ли способны.

Почему я говорю о новом, третьем этапе кризиса? Первый его этап начался еще в середине 1960-х годов, когда рождаемость опустилась ниже уровня простого воспроизводства. С этого момента население России уже не воспроизводило себя, хотя и продолжало увеличиваться за счет потенциала демографического роста, накопленного в возрастной структуре. Этого потенциала хватило надолго – почти на 30 лет. Но, в конце концов, он

исчерпался, и в 1992 году страна вступила во второй этап кризиса. Тогда и появился «русский крест» – естественный прирост населения сменился его естественной убылью, латентная депопуляция превратилась в явную. Второй этап длится, можно сказать, по сей день, но и он заканчивается. Особенность этого этапа заключалась в том, что, несмотря на сокращение населения, структурные соотношения внутри него были благоприятны и с демографической, и с экономической точек зрения. Мы получали то, что в демографической литературе называется «демографическим дивидендом». Теперь же начинается третий этап кризиса, когда население будет продолжать сокращаться, но о получении демографического дивиденда можно забыть, структурные соотношения внутри населения становятся крайне невыгодными.

Так, до сих пор, несмотря на то, что численность всего населения сокращалась, численность населения в трудоспособном возрасте росла и в начале нынешнего века была велика, как никогда. Сейчас мы все еще находимся на этом пике, но дальше нас ждет обрушение (рис. 19).

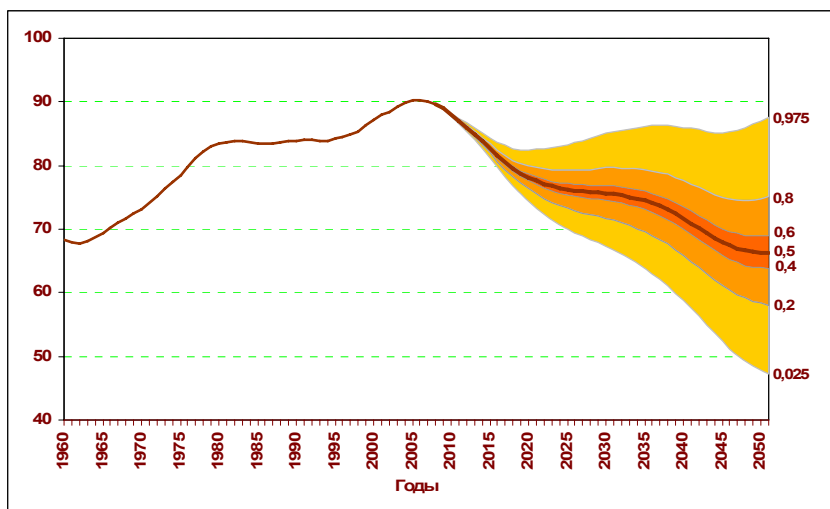

Рисунок 19. Население России в трудоспособном возрасте: до 2007 г. – фактическое, с 2007 г. – согласно аналитическому прогнозу ИДЕМ ГУ ВШЭ при разных доверительных вероятностях, млн. человек

Росло не только абсолютное число людей, но и их доля во всем населении, что естественным образом вело к снижению нагрузки на одного трудоспособного: работников становилось больше, а иждивенцев меньше. На графике (левая панель рис. 20) видно, что в последние годы она была исключительно низкой. Но сейчас мы находимся на переломе: она начинает быстро расти. Если несколько округлить цифры, то можно сказать: сейчас на одного россиянина в рабочем возрасте приходится около 600 иждивенцев в дорабочем и послерабочем возрастах, а будет – и довольно скоро – 800. Соответственно, резко возрастет спрос на социальные расходы, с которыми у нас и сейчас дела обстоят не самым лучшим образом. За счет чего их покрывать? Подобные демографические изменения способны породить огромные напряжения – экономические и социальные. Людям, которые

интересуются политикой, я посоветовал бы обратить внимание на два предыдущих подъема кривой на графике и припомнить, какие события российской (советской) истории им сопутствовали.

Взять хотя бы наше пенсионное обеспечение, сейчас явно неудовлетворительное. Только что я говорил об общей нагрузке иждивенцами – и детьми, и пожилыми. У нас обычно больше говорят о старении населения и забывают о том, что дети – это тоже иждивенцы, и их тоже нужно кормить. В этом смысле важна именно общая нагрузка. Но на правой панели [рис. 20](#) вы видите нагрузку только пожилыми, людьми пенсионного возраста. Оказывается, что и она, несмотря на общую тенденцию к росту, в недавнем прошлом снижалась. Почему? В 2001-м году в возраст 60 лет стали вступать люди, родившиеся в 1941-м и в последующие военные годы. Понятно, что их было необычно мало, нагрузка пожилыми снижалась. Теперь эта передышка кончилась. В пенсионный возраст вступают люди, родившиеся в период послевоенного подъема рождаемости. Соответственно, ускоряется и рост пенсионной нагрузки. Чем ответит на это наша пенсионная система, от которой мы не слышали ничего, кроме рыданий, даже в предыдущем, необыкновенно благоприятном периоде?

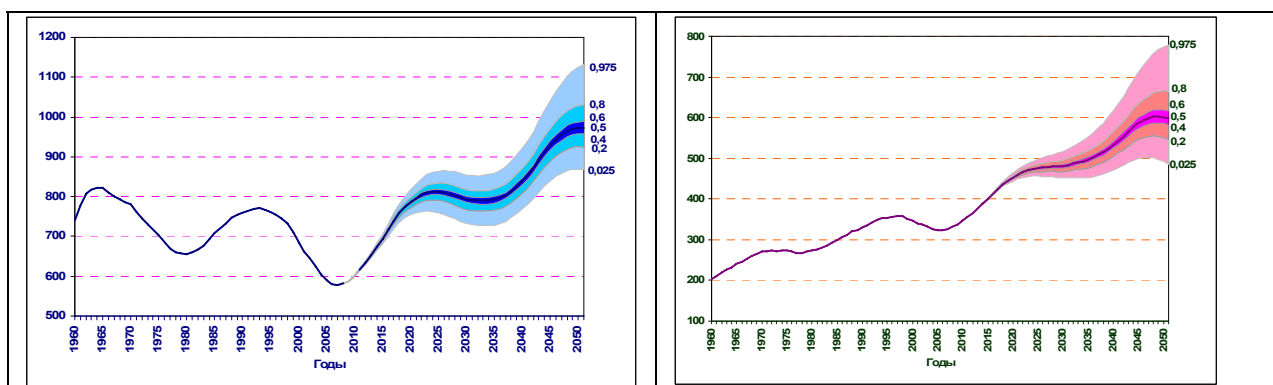

Рисунок 20. Общая демографическая нагрузка детьми и пожилыми (левая панель) и пожилыми (правая панель) на 1000 трудоспособных: до 2007 г. – фактическая, с 2007 г. – согласно аналитическому прогнозу ИДЕМ ГУ ВШЭ при разных доверительных вероятностях

Еще один важный показатель – число женщин репродуктивных возрастов, то есть тех, которые могут рожать детей. Все последние годы в России растет число рождений, и многим кажется, что это свидетельствует о росте рождаемости. Может быть, рождаемость и в самом деле повышается, однако судить об этом по изменению абсолютного числа рождений нельзя. Оно должно было бы увеличиваться, даже если бы с рождаемостью ничего не происходило. В 1990-е годы у нас быстро росло число женщин репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет), сейчас оно самое большое за всю историю России – около 40 миллионов ([рис. 21](#)). Но сейчас начинается его резкое сокращение, в возраст потенциального материнства вступают малочисленные поколения женщин, родившихся в 1990-е годы. За короткое время оно сократится на несколько миллионов, и это сокращение сведет на

нет успеха пронаталистской демографической политики, даже если они и будут достигнуты.

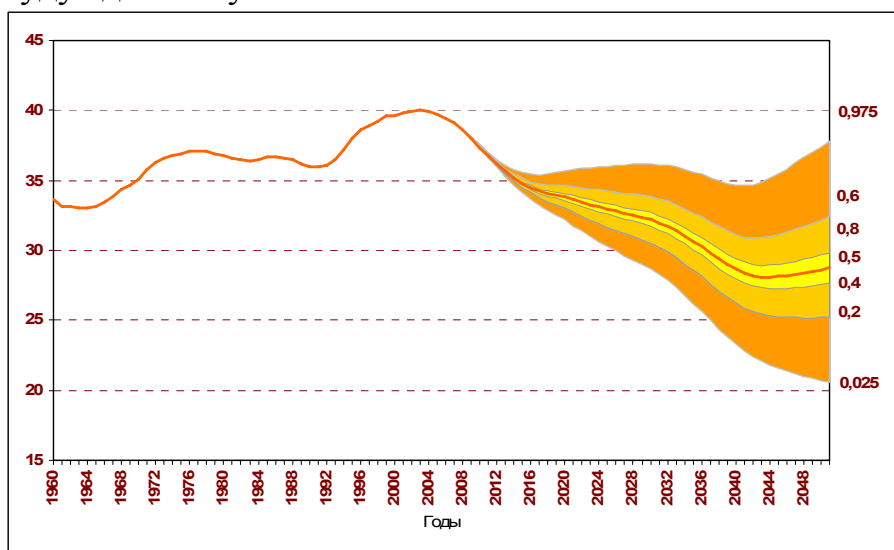

Рисунок 2 .Число женщин репродуктивных возрастов: до 2007 г. – фактическое, с 2007 г. – согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях, млн.

Некоторые выводы

Подводя итоги, можно сказать, что российский демографический кризис, разворачивающийся на весьма сложном и неблагоприятном для России мировом демографическом фоне, ставит ее перед серьезнейшими вызовами, ответить на которые очень непросто. Как следует действовать в этой ситуации?

Кажется очевидным, что надо изменить ситуацию, ставшую столь неблагоприятной. Однако у этой ситуации очень много детерминант, и далеко не все они находятся под нашим контролем. Какие-то характеристики нашей демографической ситуации могут и должны быть изменены. Это относится, в частности, к ставшей притчей во языцех неприлично высокой российской смертности. Но добиться коренного изменения всех демографических параметров, определяющих место России в мире, едва ли реально. К тому, чего нельзя изменить, необходимо приспособиться.

Как это сделать? Я не готов предложить универсальный рецепт – это вообще не дело одного человека, одной минуты, одного семинара. Я могу только сказать, в каком направлении, как мне кажется, следует думать.

Я бы, в первую очередь, задумался о четырех вещах:

- о выборе союзников;
- о консолидации постсоветского пространства;
- о глобальной экономической стратегии;
- о миграционной стратегии.

Похоже, что сейчас у России нет союзников, во всяком случае, достаточно мощных. А жить без союзников в современном мире не может себе позволить даже такая большая страна, как Россия. Самый естественный союзник для России – это, по-видимому, все-таки Европа. Россия – самая

большая по численности населения европейская страна. В Европе это страна с весом, союзник, с которым всегда будут считаться. Многое, включая и демографическую ситуацию, сближает Россию с европейскими странами, подталкивает их к объединенным действиям по отношению к внешнему миру. Я ничего не имею, скажем, против Китая. Но если мы станем искать союзника в Китае, то в таком союзе мы сможем претендовать только на роль «шестерки», ресурсного придатка, и это еще в лучшем случае.

Второе – это проблема консолидации постсоветского пространства. У меня нет никаких имперских амбиций, но я как демограф, который знаком с материалом, убежден, что Россия упустила или упускает очень важную возможность утвердить свой авторитет на этом пространстве, не прибегая при этом к исторически привычным для нас методам силового давления. Мы должны были, как мне кажется, с самого начала озаботиться созданием общего рынка труда. К этому подталкивает разница демографических и экономических потенциалов постсоветских стран. Де-факто он и так сложился, но в весьма уродливой форме, с нынешними миллионами нелегальных мигрантов и т.д. А ведь не было ничего более естественного, чем такой общий рынок, в нем в равной степени заинтересованы все стороны. При этом Россия, выступая в качестве главного носителя спроса на труд, оказалась бы в выигрышном положении. А если бы такой рынок сложился, можно бы было развивать сотрудничество дальше – как это было в Европе, которая начинала свое объединение с общего рынка угля и стали. Здесь многое уже упущено, но какие-то возможности еще остаются, не упустить бы и их.

Третье – это то, о чем, я думаю, скажет Александр Владимирович. Нам надо больше думать о нашей глобальной экономической стратегии. Мы сейчас полностью во власти нефти и газа, которыми одариваем весь мир. Но в мире, в котором не хватает земли и воды для сельского хозяйства, мы могли бы выступать и в качестве очень серьезных поставщиков продовольствия. Это потребовало бы немалых усилий и вложений, но, в свете насущных мировых проблем, возможно, было бы более полезным вкладом в разделение забот о выживании человечества, чем торговля оружием.

И последнее – это миграционная стратегия. Пока никакой миграционной стратегии у нас нет. То, что можно слышать от наших высокопоставленных представителей миграционной службы и чиновников других ведомств, – это какая-то чехарда. Сегодня они говорят одно, завтра другое, послезавтра третье, а иногда – и то, и другое, и третье одновременно. Нет никакой внятной политики и, уж точно, никакого структурирования проблемы. Кто такие иммигранты? Те, кто приехал поработать? Те, кто приехал поселиться в России? Те, кто хотят стать ее гражданами? И что нужно России? Понятно, что раз наш рынок труда будет предъявлять растущий спрос на рабочую силу, мы едва ли сможем удовлетворить его полностью за счет постоянных мигрантов. Значит, какая-то часть спроса должна покрываться временными гастарбайтерами. Но какая? Как подойти к

определению хотя бы основных стратегических параметров будущей миграции? Как двигаться к их достижению? Пока эти вопросы даже не поставлены.

Завершая, хочу напомнить, что наш семинар проходит в стенах университета. Вы видели, как много сложнейших вопросов ставит и мировая, и российская демографическая ситуация. А отвечать на них пока никому. Специалистов-демографов у нас – раз-два и обчелся. Всех вопросов мы здесь все равно не решим, но если бы нам удалось хотя бы изменить ситуацию с подготовкой таких специалистов и с развитием демографических знаний, это было бы, пусть и скромным, но все же реальным вкладом в повышение способности России ответить на стоящие перед ней демографические вызовы.

Евгений Ясин:

Значит, учитывая сложившуюся ситуацию, вопросов не будет. Я сразу предоставляю слово Александру Владимировичу.

Александр Акимов:

Евгений Григорьевич, если можно, я сначала сделаю несколько замечаний по демографическим сюжетам, а потом про ситуацию с продовольствием. Первое. Я похвалю правительство за положительный сдвиг в демографической области. Есть много свидетельств того, что в развитых странах, прошедших демографический переход, рождаемость довольно тесно коррелирует с кондратьевским циклом, то есть самым длинным циклом в экономике. Когда страна уже развитая, и рождаемость определяется контрацептивным поведением, то в период экономического роста рождаемость выше, чем в условиях экономической депрессии. Почему с 2000-го года в России повысилась рождаемость? Пошел устойчивый экономический рост. Такая же ситуация была в период "baby – boom" в США в 1950-е годы. В этот же период рождаемость повысилась даже в Швеции, стране, которая одной из первых совершила демографический переход, и где рождаемость была низкой уже в начале XX века. Причина подъема рождаемости – период устойчивого экономического роста после Великой депрессии 1930-х годов. Поэтому Россия сейчас – еще один пример общего правила. О демографических структурных причинах повышения рождаемости уже говорил Анатолий Григорьевич, но плюс к этому еще и подоспел экономический рост. Так что роль правительства в подъеме рождаемости состоит в том, что оно содействует экономическому росту. Любые национальные проекты по поддержке семьи потеряют эффективность, если прекратится экономический рост. И, наконец, опять же в подтверждение слов Анатолия Григорьевича, максимум, на который можно рассчитывать, это приблизиться к уровню "два ребенка на одну женщину". В США у белых женщин не латиноамериканок этот показатель составляет примерно 1,8. Такого же уровня достигала Швеция после интенсивной программы содействия матерям в начале 1990-х годов. Вот максимум, на

который можно рассчитывать. Достижение такого уровня в России будет несомненным успехом, но это ниже уровня простого воспроизводства населения.

Теперь несколько слов насчет миграции. Это одна из основных тенденций глобализации – развитие глобальных рынков труда. Существует два варианта: либо вы отдаете или принимаете рабочую силу, либо вы отдаете или принимаете капитал. Россия, если не принимает иммигрантов, то теряет производство. Своих рабочих уже не хватает. Рекрутинговые агентства занимаются уже не топ-менеджерами, а рабочими-станочниками. Например, рабочих переманивают из Нижегородской области в Калужскую, потому что в Калужскую область пришли инвестиции, и будут строить автосборочные заводы, а рабочих соответствующей квалификации там нет. В Нижегородской области есть автомобилестроение, есть квалифицированные рабочие. Если Россия не будет допускать иммигрантов, то может потерять обрабатывающую промышленность. Останутся лишь отрасли, связанные с добычей и переработкой полезных ископаемых. Если открыться для иммигрантов, то мы потеряем, пусть относительную, но все-таки пока существующую национальную и культурную однородность общества. Поэтому вопрос об иммиграции очень серьезный, и не миграционному ведомству его решать.

Пока я говорил по проблемы. Теперь – про возможности, которыми располагает Россия при росте мирового населения.

Если мир испытывает дефицит природных ресурсов, в том числе и для ведения сельского хозяйства, то в России картина обратная – Россия имеет конкурентные преимущества.

Важно подчеркнуть следующее. Во-первых, рост населения в мире будет продолжаться. Во-вторых, для улучшения жизни в группе развивающихся стран необходимы ресурсы, причем в той же пропорции на душу населения, которая существует в ныне развитых странах, так как развивающиеся идут путем догоняющего развития по типу ныне развитых. Пример – рост индивидуального потребления. Самый яркий пример – автомобилизация Китая, а теперь уже и Индии. В-третьих, ключевые ресурсы – энергетика и продовольствие, так как такое сочетание обеспечивает развитие современных производств и потребления для населения. В-четвертых, Россия имеет природные и производственные преимущества в топливно-энергетическом комплексе и природные в сельском хозяйстве.

И топливные, и основные сельскохозяйственные ресурсы (это земля и вода) размещены в мире очень неравномерно. Ситуация с топливно-энергетическими ресурсами достаточно хорошо известна. В сельском хозяйстве ситуация такая. Наиболее крупные экспортеры – развитые страны. США экспортирует продовольствия на 45 млрд. долл. в год, Нидерланды, Франция, Германия – примерно по 30 млрд. долл. Импортируют зерно примерно 150 стран. Весь арабский мир зависит от импорта продовольствия. В странах, где большое население, очень ограничены земельные ресурсы. В Китае на человека приходится примерно 6 соток пашни. В Индии – примерно

10 соток. Но и в Индии, и в Китае из-за роста населения и промышленности начинается нехватка воды. Существенные резервы для расширения посевных площадей имеют Бразилия, Республика Конго (Браззавиль), США, Китай, Россия, Канада, Ангола, Австралия. Китай ограничен нехваткой воды.

Этот факт не очень известен, но Россия в последние годы находится в пятерке мировых экспортеров зерна. Оно продается от Норвегии до Кении и от Марокко до Малайзии. Все это без поддержки государства. Объем экспорта продовольствия приближается к объемам продажи оружия.

Евгений Ясин:

Кстати, мне в Голландии не так давно говорили, что они одни спокойно могли бы накормить Европу. Если бы не Европейский Союз.

Реплика из зала:

А вашу сою китайцы в Америке покупают.

Евгений Ясин:

В Латинской больше.

Реплика из зала:

Нет. В Штатах.

Александр Акимов:

Да, экспортер сои США. А кто берет? В мире 150 стран ввозят, не хлеб, а зерно, потому что зерно может быть продовольственное и кормовое. Теперь, хоть Египет что-то и продавал Пакистану, весь арабский мир сидит на импорте. И это как раз тот самый регион, где выгоднее делать все, что угодно, но продовольствие покупать. Потому что нет воды, и почва слабенькая. Земля-то есть, но нет почвы.

Евгений Ясин:

А вы-то еще установили экспортные пошлины, чтобы, не дай Бог, не вывезли.

Александр Акимов:

Нет, об этом как раз не хочется говорить, потому что сюда можно было бы и стабилизационный фонд пустить, или в Сбербанке взять деньги в кредит. В Сбербанке много средств лежит без движения, там с активными операциями не очень хорошо. Кредит бы пошел на оплату пенсионерам повышенных цен на продовольствие. Но не надо было отнимать у крестьян деньги, которые образовались от роста мировых цен на сельскохозяйственную продукцию.

Евгений Ясин:

Вот тут мы с вами сходимся, я согласен.

Александр Акимов:

Ну вот, по стоимости, сколько тут получается? По стоимости, правильно говорил Анатолий Григорьевич, продажа зерна приближается к продаже оружия.

Реплика из зала:

Но ведь оружие начинают возвращать, а зерно?

Александр Акимов:

Нет, тут другая вещь. За танки платит правительство, и не всегда хорошо. А за зерно платит какая-нибудь фирма, это более надежно.

Евгений Ясин:

Вот мой прогноз. Я считаю, что если в Китае в прошлом году потратили на импорт продовольствия 14 миллиардов долларов, то через пять лет будет 100 миллиардов долларов. И из них примерно треть или половина могла бы быть русской.

Александр Акимов:

В Институте востоковедения мы проводили расчеты. Если повысить урожайность зерновых в России хотя бы до уровня Швеции, то Россия может стать крупнейшим или вторым в мире производителем зерновых. Для этого нужно инвестиций, по разным вариантам, 10-20 млрд. долл. в год. Импорт продовольствия в последние годы 14-22 млрд. долл.

Для подведения итогов я хочу сказать следующее. Анатолий Григорьевич назвал четыре проблемы, которые нужно решать России в связи с той демографической ситуацией, которая существует в мире. На мой взгляд, можно сформулировать две группы задач, вытекающих из круга экономических проблем, которые являются следствием современной демографической ситуации. Во-первых, разработка мер социальной и демографической политики для обеспечения устойчивого развития России. Это борьба со смертностью, семейная политика, переподготовка кадров, меры по приему иммигрантов. Во-вторых, разработка стратегии экономического развития, которая обеспечит реализацию конкурентных преимуществ России при решении проблем обеспечения населения Земли топливно-энергетическими ресурсами и продовольствием. В первую очередь, это создание экспорториентированного сельского хозяйства.

Первая группа вопросов – бюджетная, затратная. Вторая – экономическая, дающая доходы.

Обе группы проблем комплексные, междисциплинарные. Они требуют работы междисциплинарных коллективов экспертов и государственных программ по их реализации.

Борис Надеждин:

Какие, на ваш взгляд, общественные институты могут что-то поменять в демографическом поведении людей? Например, сколько иметь детей, сколько надо жить и т.д. Государство, в принципе, может на что-то влиять, или требуются какие-то другие инстанции – церковь, например? Где место, от которого может пойти изменение демографического поведения?

Анатолий Вишневский:

Назвать какой-то один институт трудно. Конечно, государство что-то может сделать, но это должно быть что-то очень системное. Возьмите, например, рождаемость. Сейчас в Европе самая высокая рождаемость во Франции. Если это считать результатом политики, которая там проводится, то нельзя не добавить: политики, которая проводится там много десятилетий. А когда 1-го января объявили о политике, а уже в сентябре «считают цыплят», то это только пародия на политику, на то, что нужно на самом деле. Ведь нужно очень много всего. Есть очевидные вещи, которые, безусловно, следует делать, есть менее очевидные, а есть такие, которых делать не нужно. Проблема низкой рождаемости существует не у нас одних. В других странах перепробовали много всяких мер – пока, в целом, без особого результата. Пробовать все равно надо, но не учитывать чужой опыт нельзя.

Со смертностью дело обстоит иначе. Здесь наше государство в очень большом долгу. Но, мне кажется, государство, все эти министерства не представляют себе ясно, что нужно делать, чтобы снизить смертность. Сейчас много говорят, например, о высоких технологиях. А я думаю, как бы нам не ввязаться в еще одну гонку вооружений, на этот раз медицинских. Есть такое понятие: гонка медицинских вооружений. Высокие технологии стоят дорого, они нужны, когда человек заболел серьезной болезнью. А наша главная беда в том, что умирают здоровые. У нас такой низкий возраст смерти от многих причин, в каком в нормальных условиях люди вообще не нуждаются в услугах медицины.

По моему мнению, да и по мнению моих коллег, которые занимаются смертностью в России, наша ключевая проблема – это неумеренное потребление алкоголя. Но борьба с алкоголизмом непопулярна, а все непопулярные меры у нас из политики исключаются. В нашей новой концепции демографической политики задача борьбы с этим злом упомянута, но как-то стыдливо, среди десятка других задач, намного менее жгучих. А должна быть поставлена на особое место – в соответствии с ее важностью. И должна быть понята ее сложность: с кондачка такую задачу не решишь, уже пробовали. Нужны исследования, нужна работа с общественным мнением. Ничего этого нет.

Конечно, многое могут сделать и другие институты, не государственные, например, церковь. Но здесь тоже не все так просто. Мы еще в советское время, в 80-е годы, писали о необходимости выработки общественного консенсуса во взглядах на современные семейные проблемы «путем привлечения к широкому диалогу представителей заинтересованных общественных движений, выражающих взгляды разных слоев и групп

советского общества, а также церкви». Тогда упоминание церкви в таком контексте было совсем не очевидным. Но пока, как мне кажется, настоящего диалога не получается. Это хорошо видно на примере большого для нас вопроса об абортах. У абортотворцев нет сторонников, и хорошо известно, что наиболее эффективный путь к сокращению числа абортотворцев – планирование семьи. Именно благодаря планированию семьи число абортотворцев в европейских странах несравнимо ниже, чем у нас. Да и у нас оно быстро снижается именно потому, что аборт вытесняется предупреждением зачатия. Почему же надо делать врага из планирования семьи? Я вспоминаю споры на Каирской конференции 1994 года, где один католический теолог, выступая от имени группы религиозных экспертов, представлявших взгляды буддистов, мусульман, иудеев, протестантов и католиков, критиковал непродуктивную позицию Ватикана, согласно которой единственный моральный путь избежать аборта – это воздержание. Как он сказал, из-за того, что Ватикан занял жесткую позицию в спорном вопросе, по которому добрые люди могут иметь разные мнения, не теряя взаимного уважения, религия снова предстала как нечто вроде айсберга на пути прогресса. Неужели и нам сейчас действительно необходима такая жесткость позиции?

В целом, для меня нет сомнения, что влиять на многие стороны нашей далеко не благополучной демографической ситуации можно и что для этого она должна стать предметом именно общественного внимания, а не только внимания правительства. Более того, она должна выйти из-под монопольного контроля правительственных чиновников, иначе ничего не получится.

Евгений Ясин:

У нас вчера был семинар, посвященный деятельности страховых компаний в здравоохранении. Довольно спокойный разговор. Они говорили о своем вкладе в это дело, и о претензиях: мол, здесь не решается, там не решается. Я потом уже не выдержал, говорю: «Ребята, а что вы себе представляете? Ну, напишите письмо Медведеву и Путину, в Думу, еще куда-то. И что произойдет? Страховая компания институционально – это надежда системы здравоохранения. Надо научиться работать и делать то, что делают компании во всем мире, в развитых странах, тогда будет создан противовес медицинскому сообществу в интересах больных. Потому что сегодня больные никому не нужны, они должны сами о себе заботиться. Как вы это себе представляете? Вы будете обращаться наверх, а кто будет к пациентам ходить? Это пациент должен поверить в то, что страховая компания ему нужна, без этого ничего не будет». И такое же ощущение по всем масштабным проблемам, которые не решаются властью в авторитарном государстве. Потому что, действительно, если власть абсолютна, зачем заниматься разного рода непопулярными мерами, реформами? Да ничего не надо!

Анатолий Вишневский:

Вы опять поворачиваете меня к вопросу о роли государства. Я далек от мысли, что оно может разрулить все вопросы. Но какая-то зона ответственности, в том числе и за демографическую ситуацию, у него, конечно, есть. Вопрос в том, как оно справляется с этой ответственностью. Я не хочу никого обижать, но не секрет, что у нас довольно-таки пьющая страна, и мы за это дорого платим. При этом в России нет ни одного центра, который занимался бы изучением социальных проблем пьянства. Роль государства заключается не в том, что высокопоставленные чиновники или депутаты станут вносить свои доморощенные предложения, как побороть пьянство, а в том, что оно обязано создать такую структуру и поручить ей изучить проблему и предложить пути ее решения. А государство этого не делает. То же самое с дорожно-транспортными происшествиями. В мировых масштабах считается, что сейчас дорожно-транспортные происшествия – это одна из главных причин смерти. Поэтому в мире имеется огромное количество институтов, исследовательских центров, которые заняты этой проблемой. На исследования в области дорожной безопасности в мире тратится больше средств, чем на исследования по туберкулезу. И это приносит свои плоды. Мы и отдаленно не можем сравняться с высокоавтомобилизованными странами по уровню транспортной безопасности. Зато мы экономим на исследованиях. У нас МВД еще в советское время не раз объявляло о создании исследовательской лаборатории по безопасности движения – а где эта лаборатория?

Примеров такой государственной безответственности можно привести много. А можно привести и противоположные примеры, правда, не из нашей практики. Я говорил, что сейчас самая высокая рождаемость в Европе – во Франции. А ведь когда-то Франция, напротив, отличалась самой низкой рождаемостью. Но когда де Голль в 1945 году оказался у власти в разоренной войной стране, он принял решение о создании института демографических исследований, который со временем стал крупнейшим в мире исследовательским центром такого рода. Вот вам и различия в государственном подходе.

Федор Шелов-Коведяев:

У меня два вопроса. Первый вопрос о методике прогнозных демографических подсчетов. А именно, откуда берутся разные цифры прогнозов? Ведь резкое падение рождаемости в Африке и Азии на представленной Вами диаграмме дают все прогнозы – и низкий, и высокий, и средний, в 9,5 миллиардов населения Земли в указанной на графике перспективе. И все они основаны на одних и тех же исходных данных. Так из-за чего же такая разноголосица? Второй: насколько, с вашей точки зрения, оправдана оценка, что в Россию будут прибывать 200-300 тысяч мигрантов в год, притом, что мы знаем, насколько мало в реальности их въехало в 2007-м году? Иначе говоря, откуда, если Вы знаете, предполагается привлекать миграционный ресурс?

Анатолий Вишневский:

Предсказывать будущее можно не наверняка, а с определенной вероятностью. Рождаемость снижается, но скорость ее снижения может быть разной, поэтому делаются разные допущения. Но направление движения ясно.

Евгений Ясин:

Это такое несчастье, куда вы ни смотрите – расстраиваетесь, и ничего изменить нельзя.

Анатолий Вишневский:

Второй вопрос – о миграции. По правде говоря, мы о ней мало что знаем. Ведь значительная ее часть остается в тени. Въехало мало, а говорят о миллионах нелегальных мигрантов. Да и что считать миграцией, кого считать мигрантом? Тут пока много тумана.

Миграционный ресурс, как показывает опыт европейских или североамериканских стран, неограничен. Едут отовсюду: из Азии, из Африки. Найти мигрантов не проблема, за пределами развитых стран живет 5 миллиардов человек.

Существует иллюзия, что нам нужна только высококвалифицированная рабочая сила, хотя мы все, живя в Москве, видим, что, благодаря мигрантам, у нас стали лучше чистить снег и грязь. В странах, где много мигрантов, они делают все: убирают улицы, работают на стройках и на транспорте, в торговле и сфере обслуживания, выполняют обязанности сиделок и нянь, служат в полиции. Все это не требует высокой квалификации. Еще одна странная идея, так сказать, госплановская, что мигранты должны приезжать только туда, где уже есть рабочие места, которые некем заполнить. Интересно, на какие рабочие места приезжали иммигранты, которые создали Соединенные Штаты Америки? Они приезжали и сами создавали рабочие места, целые отрасли экономики, и не были лишними. А если экономика стагнирует, то лишними могут оказаться и коренные жители страны.

Аполлон Давидсон:

Анатолий Григорьевич, Вы сказали, что не ведется борьба с алкоголизмом. Но так же не ведется борьба и со СПИДом, и эта проблема у нас как-то замалчивается. Мне хотелось бы знать ваше мнение, насколько это опасно. А что до алкоголизма, то рядом с нами громадный книжный магазин, и там есть книга, которая называется «О русском пьянстве». Так содержание книги такое: проклятый Запад приписывает русскому народу тягу к пьянству, а на самом деле, она абсолютно не типична, и даже само слово «водка» не русское, а чужеродное.

Анатолий Вишневский:

По второму вопросу ничего не могу сказать, кроме того, что мне кто-то недавно прислал ссылку на книгу, где подробно объясняется, как варить

самогон, какие есть сорта самогона и так далее. А что касается СПИДа, то нельзя сказать, что у нас не ведется борьба с ним. Может быть, недостаточно, но у нас есть специализированные центры, выделяются средства. Только ведь это бедствие всемирное, с ним так просто не справиться.

Константин Огрызко:

Уважаемый Анатолий Григорьевич! Спасибо за интересный доклад. Я искал в Ваших слайдах данные о сопоставлениях по плотности населения стран мира. Возможно, они у Вас есть. Но наиболее выразительны были бы данные не просто по плотности населения в узком смысле (как количество территории (км²) на душу населения), а если вычислить интегральный показатель – индекс перенаселенности в расширенном смысле, то есть по обеспеченности всеми видами природных ресурсов (в том числе, и территории) в расчете на душу населения. Тогда, если расположить все страны мира в порядке возрастания этого индекса, мы обнаружим поразительную закономерность! Это чем-то напоминает принцип построения таблицы Менделеева – расположение элементов в порядке возрастания одного единственного параметра. Подробнее смотрите на сайте: <http://www.new-projects1.narod.ru/project2.htm> (<http://www.new-projects1.narod.ru/02.doc>) или <http://www.nekrasovskiy.yur.ru/project2.htm> (<http://www.nekrasovskiy.yur.ru/02.doc>)

Еще один момент. Вы сказали, что носится в воздухе идея о переделе природных богатств между странами. И потом Вы привели такую иллюстрацию: природные богатства в России, на самом деле, представляют общемировую планетарную ценность. Просто хочу заметить: передел – это отнять у одного и дать другому. Если же это общемировая планетарная ценность, то это уже внешне похоже на централизацию. А это не совсем передел, мягко говоря. У вас пример немножко другой. Идея о том, что природные богатства – это общечеловеческая ценность, давно существует.

Анатолий Вишневский:

Территория России в 45 раз больше территории Японии. Поэтому, конечно, плотность населения у нас разная. В России плотность населения 8 человек на 1 кв. км, в азиатской части России – 2 человека на 1 кв. км. А, допустим, в Австралии или в Канаде – 3 человека на 1 кв.км. Ну и что? Для каких-то вопросов плотность, конечно, нужно принимать во внимание, например, когда речь идет о миграции. А то говорят, например: "Почему Япония не приглашает мигрантов, а мы должны приглашать? Им не нужно, потому что у них высокая производительность труда. Повысим производительность труда у себя – и нам не нужны будут мигранты". Я думаю, производительность труда тут ни при чем, у них просто некуда приглашать. Но, кстати, какие-то мигранты есть и у них.

Евгений Ясин:

Они боятся китайцев и их не приглашают. А филиппинцев, особенно женщин, приглашают.

Анатолий Вишневский:

Второй вопрос, скорее, философский. Природные богатства – общечеловеческое достояние, но они всегда находятся в чьем-то владении. Так было всегда, но это никогда не исключало их передела. Когда я говорю, что идея носится в воздухе, – это неопределенная угроза, и потому опасная. Любой, кто окажется сильнее, может предъявить претензии на территорию или ресурсы. А слова об общечеловеческом достоянии могут использоваться просто для оправдания захвата чужих богатств. Но, в то же время, сегодня, в эпоху глобализации, мысли о том, что природные ресурсы – достояние всего человечества, и в самом деле обретают новый смысл.

Дмитрий Катаев:

Анатолий Григорьевич, два вопроса. Какова ситуация в странах Азии и Латинской Америки, которые вступили на путь европейской цивилизации: Южная Корея, допустим, Бразилия, вам виднее. Как там изменилась демографическая ситуация? И насколько, если она изменилась, в долгосрочных прогнозах учитывается, что другие страны тоже последуют по этому пути? Это первый вопрос. А второй такой: сдерживается в целом в мире производство продовольствия?

Анатолий Вишневский:

Демографическая ситуация везде изменяется в «европейском направлении». Везде снижается смертность, а за этим, правда, с отставанием, идет снижение рождаемости. И правительства очень часто, я бы даже сказал, почти всегда стараются ускорить это снижение, потому что демографический взрыв создает непосильное бремя для развивающихся стран, тормозит их развитие. Конечно, традиционная культура, религия часто противятся таким усилиям правительств, тому же планированию семьи. Но модернизация везде берет свое. Скажем, есть исламские страны, где все еще сохраняется традиционная высокая рождаемость, некоторые арабские страны жестко держат планку. Но это, скорее, исключение. В разных странах по-разному толкуют требования ислама в этом вопросе, но, в принципе, как утверждают знающие люди, Коран не запрещает планирования семьи. А в некоторых исламских странах, например, в Иране, оно активно внедряется, и рождаемость там приближается к европейскому уровню. Снижается рождаемость и в Латинской Америке. Только Африка остается пока цитаделью высокой рождаемости, относительно слабо затронутой изменениями. Но это – следствие слабого развития там общих процессов модернизации.

Второй вопрос, насчет продовольствия. Я точно не знаю, это не моя область, но, вроде бы, в Европейском Союзе время от времени возникают какие-то ограничения на производство продовольствия, и фермеры против этого протестуют. Все же, думаю, что сейчас таких ситуаций, как когда-то, когда в топках паровозов сжигалось зерно, нет. Сейчас всех беспокоит растущий спрос на биотопливо – это конкуренция росту производства продовольствия.

Олег Шарипов:

Разница между растущим производством продовольствия и не растущим душевым потреблением, все-таки, сокращается каким-то образом?

Анатолий Вишневский:

Нет. Какое-то время, в 1980 годы, ситуация улучшалась, потом она стала ухудшаться. Население продолжает расти, и рост производства за ним не поспевает. У меня сейчас нет цифр под рукой, но есть статистика, которая показывает: год на год не приходится, но в каждом следующем десятилетии увеличивается число лет, когда не обеспечивается рост производства продовольствия в нужном количестве и происходит спад душевого производства. Все реже удается создать надежные резервы на случай неурожая. Считается, что гарантированная продовольственная безопасность достигается, если к появлению нового урожая в закромах еще имеется не менее 70-дневного запаса зерна. Это условие не выполняется все чаще и чаще. Нарастает число конфликтов, связанных с рыболовством. Это все признаки обострения продовольственной ситуации в мире. Нынешний рост цен на продовольствие, думаю, тоже отражение этого обострения.

Часто говорят, что продовольствия не хватает, потому что потребление в богатых странах намного больше, чем в Индии или в Конго. Конечно, высокое потребление в богатых странах ограничивает ресурсы бедных. Но это ничего не меняет в том факте, что сокращается среднее производство на душу населения. Если все количество хлеба поделить на количество людей, то хлеба в расчете на душу населения становится меньше. Неравенство в потреблении усугубляет нехватку продовольствия в бедных странах, которые не выдерживают конкуренции с богатыми. Но сокращение производства продовольствия имеет самостоятельное значение.

Олег Шарипов:

Второй вопрос к другому тезису доклада. Когда вы говорили о конкуренции армии и образовательных институтов за молодежь. Говорят о том, что в какое-то время потенциальных студентов будет очень мало. В этих расчетах учитываются дети-детдомовцы и дети из малообеспеченных семей? Они вообще рассматриваются как резерв потенциальных студентов?

Анатолий Вишневский:

Все, кто родился, кто был зарегистрирован, конечно, учитываются. Но, разумеется, не учитывается то, что у детдомовца больше шансов попасть в армию, чем у сына благополучных родителей.

Елена Гусева:

Скажите, пожалуйста, вам не кажется, что с точки зрения ресурсов планеты, все-таки, тенденция рождаемости (её снижение) к стратегии выживания, а не к стратегии развития?

Анатолий Вишневский:

Я полагаю, что в демографических процессах наличествует большой элемент социальной самоорганизации. Снижение рождаемости – это ведь не просто чья-то злая воля. Пытаясь объяснить низкую рождаемость, нередко все сводят к эгоизму родителей, которые думают только о себе. А может быть, дело обстоит, как раз, наоборот: в низкой рождаемости проявляется самоограничение, связанное с более ответственным отношением к производству потомства, к воспитанию детей. Стратегия выживания может быть оправдана в тех случаях, когда стратегия развития порождает угрозы выживанию.

Елена Гусева:

И еще второй вопрос, тоже с этим связан. Тут говорили о корреляции с плотностью. А вам не кажется, что есть корреляция с женской психологией, с женской самореализацией? В принципе, речь идет об изменении психологии женщины по вопросу рождаемости.

Анатолий Вишневский:

Конечно. Мы же говорим, что когда меняется образ жизни, что включает в себя образование женщины, ее профессиональную деятельность и т.д., тогда меняется все. Пока у крестьянского населения Африки или Азии сохраняется прежний образ жизни, неграмотная, работающая дома женщина, у них остается и высокая рождаемость.

Елена Гусева:

Мы просто хотим сравняться с мужским эгоизмом.

Федор Шелов-Коведяев:

Моё выступление спровоцировали вопрос Бориса Надеждина и дискуссия, которая только что состоялась. В вопросах регулирования демографических процессов, мы всё же должны учитывать, если и не напрямую нравственный аспект (который тоже не стоит полностью сбрасывать со счетов), то, как минимум, фактор общественного мнения, который очевидно коррелируется с общественной моралью.

В качестве иллюстрации я хочу сослаться на мнение человека, который тем из присутствующих, кто постарше, более известен как один из пионеров

диссидентского движения в СССР. Речь идёт о Якове Файтельсоне. Докладчику же он, наверное, известен еще и как эксперт, который с тех пор, как был советником премьера Шамира, уже 20 с лишним лет занимается демографическими проблемами в Израиле. Принципиально важно, что он, не гуманитарий, математик по образованию и первоначальной сфере деятельности, в своей практической работе приходит к выводам, выходящим за пределы сугубо формальных расчётов. Его недавняя работа, посвящённая актуальным демографическим процессам в Израиле, подтверждает неоднократно высказанную мною мысль, что если в демографии мы будем придерживаться только упрощённых материалистических взглядов марксистского толка, то не получим ни адекватной картины возможного демографического тренда в развитых обществах, ни полного понимания глубинных процессов, влияющих на демографическую ситуацию.

Файтельсон изучает в этой работе статистические данные о том, как на протяжении последних 20-30 лет в Израиле поменялось общественное отношение к вопросу о том, сколько детей надо реально и престижно иметь в семье. Общественное мнение сформировало устойчивый стереотип: если хочешь, чтобы тебя считали успешным и уважали, правильно и достойно иметь в семье двух и более детей. Меньший уровень – показатель неблагополучности семьи.

Принципиально важно, что эта тенденция повлияла не только на сабров, но и на молодых людей, репатриировавшихся в Израиль детьми из стран с малодетными семьями и выросших, как правило, в семье с одним ребёнком, а также на молодые пары новых репатриантов, которые ещё недавно не думали заводить новых детей.

Хочешь выглядеть успешным человеком? Не важно, что сумел заработать денег. Какой же ты успешный, если у тебя нет детей или один ребёнок? На что ты тратишь эти деньги? Зачем ты тогда их вообще заработал?

Произошла радикальная перенастройка психологического состояния общества. Могут сказать, конечно, что Израиль находится под демографическим давлением извне. Но Файтельсон попутно показывает, что израильское общество осознало, что в рассуждениях о демографическом арабском давлении на него больше неоправданных страхов, чем реальности. Отказ от арабской демографической страшилки отнюдь не повлиял на общественную установку Израиля на многодетность семьи. Скорее, наоборот.

Если учитывать фактор внешнего демографического давления, то мы-то находимся, учитывая наших южных соседей, прежде всего, Китай, не в лучшем положении, чем Израиль. При этом мы обладаем куда большей территорией и, соответственно, большими ресурсами для демографического развития, чем тот же самый Израиль. А психологически не соответствуем своим возможностям.

Думаю, нам надо учитывать и такие ресурсы демографического роста как психологическое состояние общества и общественное мнение. Хотя – я

согласен – их не надо преувеличивать. И, в любом случае, использовать их надо с умом. Спасибо.

Евгений Ясин:

Нет желающих? Экономистов – сколько хотите, а вот людей, которые могут провести серьезный анализ, очень мало.

Анатолий Вишневский:

Ну, это недоработка Высшей школы экономики, я все время говорю. Здесь учат всему, кроме, демографии. А все погубит демография.

Евгений Ясин:

Может быть. Я хочу поблагодарить выступавших. Я думаю, что нам немного приоткрыли глаза. Я глубоко убежден, что демографические проблемы в ближайшие десятилетия и, может быть, весь XXI век будут иметь первостепенное значение в изменении картины мира. У меня такое впечатление, что мы вступаем или продолжаем находиться в турбулентном периоде. Тешим себя надеждой, что когда-нибудь наступит момент, когда мы вступим в период более спокойный, как при аграрном обществе. Тихо, спокойно, население растет медленнее, те, кому не хватает продовольствия, умирают. Все в стабильном состоянии, и потом – взрыв. Мы видим результаты взрыва в развитых странах. Я все-таки надеюсь, что до всех стран докатится более спокойная траектория, и все успокоится, динамика населения выровняется в какую-то более-менее стабильную структуру. И что с продовольствием все будет в порядке. Я подозреваю, что из всех версий, которые высказывались в последние годы относительно динамики продовольствия, народов, населения, оправдала себя только одна: производство продовольствия растет с увеличением количества едоков. Я думаю, что есть страны, где дела обстоят очень тяжело. Я плохо представляю, что можно делать в такой стране, как Бангладеш. С плотностью населения больше 1000 человек на 1 кв. км. И климат там плохой, каждый раз все заливают, там очень тяжелый случай. И в Африке тоже. Но вообще-то, я призываю оценить плюсы, которые возникли в связи с тем, что Китай и Индия стали более динамично развиваться. Не бывает плюсов без минусов, но, тем не менее, я ожидаю, что численность населения перестанет расти, даже в Индии. Мне известно про опыт самоорганизации населения, женского, между прочим, в штате Керала на юге Индии, где они очень успешно пропагандировали планирование семьи. И, несмотря на очень тяжелое бремя религиозных предрассудков (там никакую жизнь нельзя уничтожать или останавливать, по индуистским представлениям гораздо больше, чем в других религиях), они добились успеха. Самое тяжелое положение оказалось в традиционных культурных районах, это северные штаты, где продолжается сумасшедший рост населения. Но, тем не менее, факт, что впервые за многие века эти две страны уже не страдают от голода. Это определенное достижение. В прошлом году я провел некоторое время в

Китае, и меня китайцы убеждали, что длительное время проводимая политика «одна семья – один ребенок» очень понравилась женщинам. И теперь, даже если ее отменят, бурного роста населения в Китае вряд ли можно ожидать.

Все, кто здесь присутствует, в основном занимаются исследованиями, над чем-то работают. Я просто призываю: примите во внимание то, что вы слышали. Плохо, если мы начинаем о чем-то рассуждать, и не считаемся с тем, что уже предопределено. Чем плохо иметь дело с Вишневым? Он всегда говорит о каких-то вещах непререкаемым тоном, очень хочется возразить. А потом оказывается, что возражать нельзя, потому что все предопределено. Если вы гадаете насчет того, что будет с долларом или рублем, или с ценами на нефть, то вы имеете очень большие шансы просчитаться. Так что будем принимать во внимание это условие.

Всего доброго. Спасибо большое.